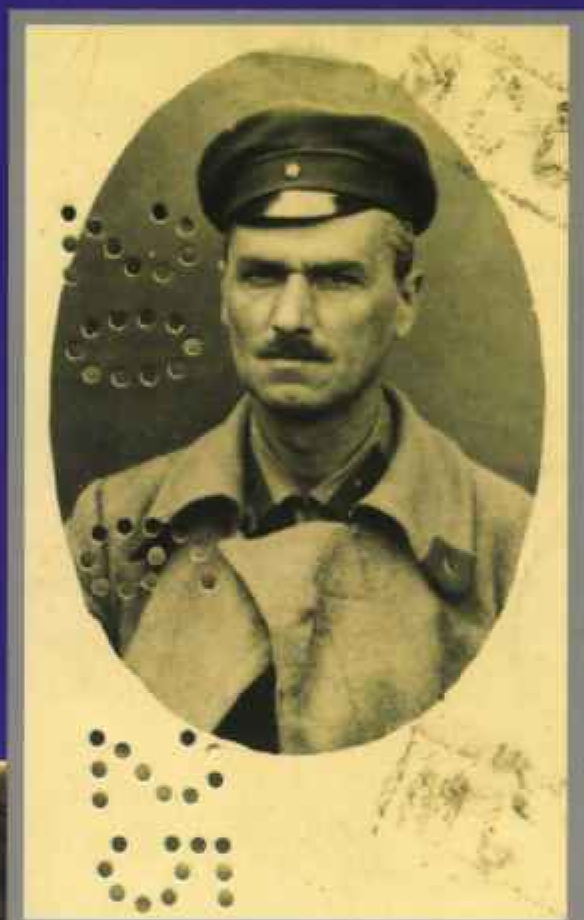
VISIT…

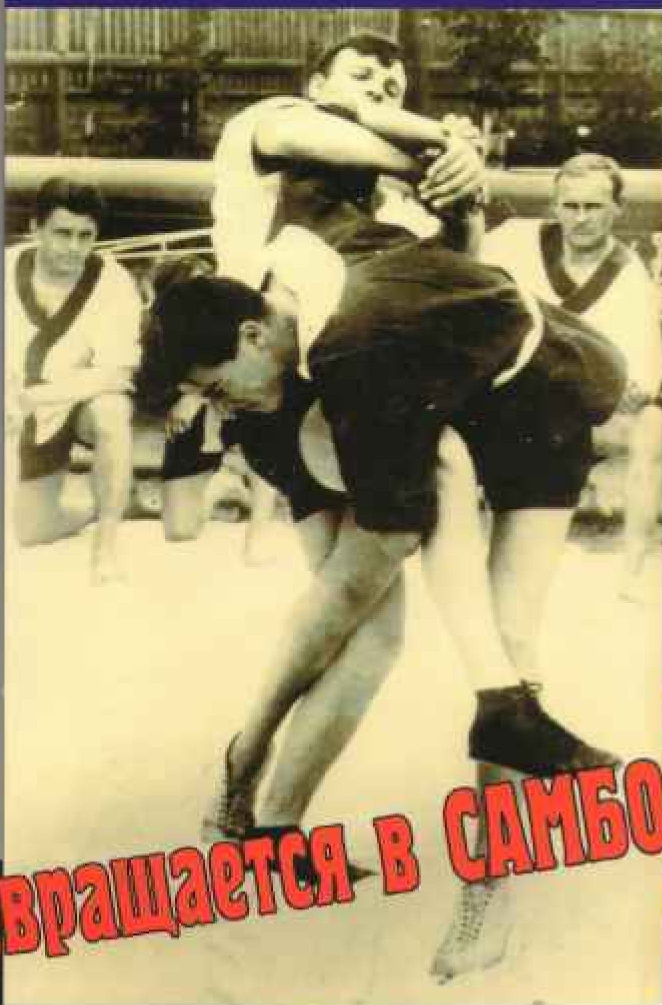
LANZAROTE Caliente.COM

РУКОПАШНЫЙ БОЙ В РОССИИ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА
СИСТЕМЫ И АВТОРЫ

М. Лукашев

Система САМ превращается в САМБО

Об авторе

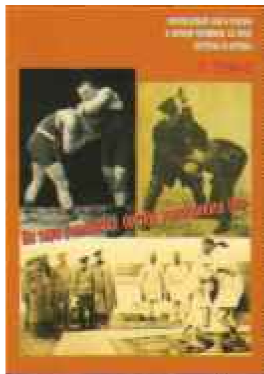
Лукашев Михаил Николаевич — ведущий российский специалист в-области истории отечественного рукопашного боя, почетный член исполкома Всероссийской федерации самбо, талантливый писатель, способный преподнести результаты своих уникальных исследований в-увлекательной литературной форме, автор десятков публикаций в-различных периодических изданиях (печатается с 1957 года).

Работы М.Н. Лукашева привлекают своим первооткрывательским характером. Так, хотя наши боксеры уже в 1948 г. торжественно отпраздновали полувековой юбилей российского ринга, Михаил Николаевич сумел доказать ошибочность этой даты и увеличил возраст отечественного бокса на два года. Его же перу принадлежат первые на русском языке технико-тактические и-методические материалы по спортивному дзюдо («Физкультура и спорт», 1972-1974 гг.), публикации о-монастыре Шаолинь и-его боевой системе. Большой интерес вызвали книги М.Н. Лукашева «Слава былых чемпионов», «Десять тысяч путей к-победе», «Родословная самбо», «И были схватки боевые…», которые получили высокие рецензионные оценки таких крупных специалистов, как Б.М. Чесноков, К.В. Градополов, Д.Л. Рудман, А.М. Ларионов, В.С. Харитонов и других. «Слава былых чемпионов» была удостоена Почетного диплома Всесоюзного конкурса на лучшую спортивную книгу 1978 г. Его исследование о занятиях А.С. Пушкина боксом было опубликовано во «Временнике» Пушкинской комиссии Института русского языка и литературы Академии наук СССР.

Несколько десятилетий своей жизни М.Н. Лукашев отдал исследованию истории возникновения советской спортивной борьбы и системы рукопашного боя самбо и борьбе с официозным мифом о создании самбо не мастером Кодокан дзюдо, «врагом народа и шпионом» Василием Сергеевичем Ощепковым, а его учеником А.А. Харлампиевым. В своих строго документированных, аналитических публикациях Лукашев воссоздал подлинную историю зарождения и формирования самбо и восстановил авторское право В.С. Ощепкова. За свою многолетнюю работу в этой области Михаил Николаевич был удостоен Серебряного ордена Международной федерации любительского самбо (ПАЗ).

Работы М.Н. Лукашева переведены на английский, французский, немецкий и другие иностранные языки.

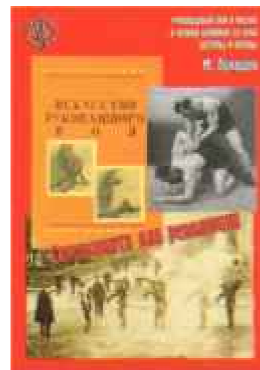
Библиотека «Додзё». Серия «РУКОПАШНЫЙ БОЙ В РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

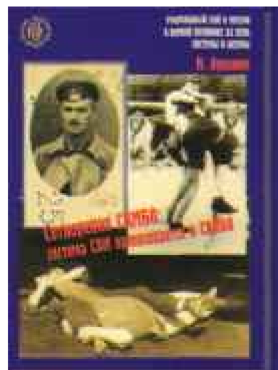

В первой книге серии в деталях рассказывается обо всех попытках создания систем рукопашного боя для нужд полиции, армии и гражданских лиц в дореволюционной России. Джиу-джитсу, французская борьба, исландская глима, английский и французский бокс, приемы нападения и защиты преступного мира - вот далеко не полный перечень боевых и спортивных единоборств, которые в начальные десятилетия прошлого века явились источниками первых отечественных систем самозащиты. Перед читателем пройдут такие незаслуженно забытые ныне первопроходцы российского рукопашного боя, как А. Демерт, И. Лебедев и др.

КНИГА 2. САМОЗАЩИТА ДЛЯ РЕВОЛЮЦИИ

Книга повествует о разработке систем рукопашного боя для нужд Красной Армии, Всевобуча и милиции в первое десятилетие Советской власти. Читатель познакомится с биографиями таких специалистов, оставивших заметный след в истории отечественного рукопашного боя, как М. Яковлев, И. Солоневич, Г. Калачев, Н.-Ознобишин и другие.

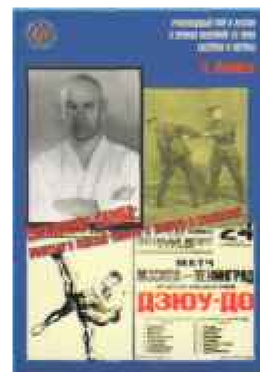

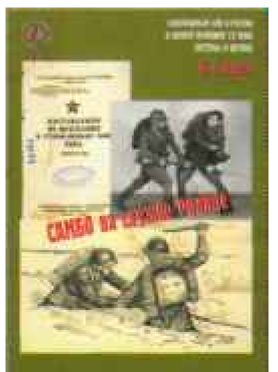
КНИГА 3. СОТВОРЕНИЕ САМБО: СИСТЕМА «САМ» ПРЕВРАЩАЕТСЯ В САМБО

Третья книга серии посвящена деятельности В.А. Спиридонова и разработке на основе джиу-джитсу, а также французской и вольно-американской борьбы, английского и французского бокса и бытовой обороны приемов самозащиты для нужд чекистов, пограничников и милиционеров в системе «Динамо» в 1920-30-е гг.

КНИГА 4. СОТВОРЕНИЕ САМБО: РОДИТЬСЯ В ЦАРСКОЙ ТЮРЬМЕ И УМЕРЕТЬ В СТАЛИНСКОЙ...

В книге речь идет о жизни и деятельности основоположника отечественного дзюдо, выпускника Кодокана и советского разведчика В.С. Ощепкова, трагически погибшего в застенках НКВД в 1937 г. В деталях прослежена эволюция его системы от классического дзюдо к первооснове спортивного и боевого самбо.

КНИГА 5. САМБО НА СЛУЖБЕ РОДИНЫ

Книга посвящена синтезу систем В.А.-Спиридонова и-В.С.-Ощепкова, который осуществил В.П.-Волков, автор капитального труда «Курс самозащиты без оружия «Самбо». Учебное пособие для школ НКВД» 1940 года, распространению самбо в-СССР в-предвоенный период, внедрению его в-вооруженные силы, а-также попытке К.-Градополова приспособить приемы бокса к-применению в-рукопашном бою.

Серия книг «РУКОПАШНЫЙ БОЙ В РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА» - это уникальное исследование, которому автор посвятил почти шестьдесят лет своей жизни. Иллюстрировано редкими фотографиями и рисунками из личного архива автора, многие из которых публикуются впервые. Огромное количество документов, архивных материалов, в том числе из архивов КГБ и ГРУ, личное знакомство М.Н. Лукашева со свидетелями событий и авторами ряда систем, взвешенность оценок и высокий профессионализм делают серию книг «РУКОПАШНЫЙ БОЙ В РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА» уникальным изданием, не имеющим по своей фундаментальности аналогов. Этот труд призван на десятилетия стать настольной книгой для каждого российского дзюдоиста, самбиста, джиу-джитсера, рукопашника.

РУКОПАШНЫЙ БОЙ В РОССИИ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА
СИСТЕМЫ И АВТОРЫ

И.Н. Лукашев

система САМ становится САМБО

BudoSport

Москва 2003

Предисловие к книге М.Н. Лукашева «Сотворение самбо»

Всероссийская федерации самбо **Олимпийский комитет России**

Автора этой книги я знаю вот уже четвертый десяток лет, и мне нравится его давняя и неизменная увлеченность нашим замечательным видом борьбы и самозащиты. Уже тогда, в шестидесятые годы, он старательно разыскивал и понемногу публиковал незаслуженно забытые факты истории самбо.

Случается иногда так, что иные журналисты пишут, поверив кому-то на слово, или просто пересказывают написанное другими авторами, не утруждая себя проверкой материала. Могу сказать, что в • отношении Михаила Николаевича отличает серьезное, по-настоящему профессиональное отношение к делу. Он считает неизменным правилом опираться на документы и, не жалея времени, выискивает их в самых различных архивах.

Эта большая и далеко не простая работа позволила Михаилу Николаевичу на строго документальной основе восстановить подлинную историю нашего вида спорта, утраченную и забытую в силу ряда обстоятельств. И, плюс к этому, изложить ее в увлекательной популярной форме.

гам *Всероссийской федерации самбо одобряет работу М.Н. Лукашева, приносит ему благодарность за его полезную и важную деятельность и желает дальнейших творческих успехов.*

Президент Всероссийской федерации самбо
М. Тихомиров

Иа № 01 - *138* *20 ноября 1998 г.*

Поместив в книгу это предисловие, написанное президентом Всероссийской федерации самбо более пяти лет назад, я, конечно, должен объяснить, почему это сделал и по какой причине образовал- подобный временной разрыв.

В настоящее время автор предисловия Михаил Иванович Тихомиров является вице-президентом Олимпийского комитета России, председателем комитета национальных и неолимпийских видов спорта и президентом Международной федерации любительского самбо. А президентом Всероссийской федерации самбо на очередной срок избран заслуженный тренер России, главный тренер сборной команды страны по самбо Сергей Владимирович Елисеев. Тем не менее, я думаю, что было бы очень несправедливо, только лишь из-за одного этого факта ротации, отбросить искренние слова, написанные моим старинным и добрым товарищем, отдавшим много лет служению самбо...

Что же касается разрыва во времени, то **объясняется** он очень просто. Сейчас, в силу тех «благостных- демократически-реформаторских катаклизмов, которые обрушили на наши головы, написать книгу значительно легче, чем ее издать. Если, разумеется, карманы у автора не оттопыриваются от зеленых бумажек...

Книга была написана уже достаточно давно. Журнальные варианты ее глав печатались в периодических изданиях «Боевые искусства планеты» и «Самбо России» еще с середины 90-х годов. И уже тогда это предисловие, с согласия его автора, было опубликовано вместе с одной из глав.

А вот с выпуском в свет самой книги постоянно возникали непреодолимые препятствия. Беда в том, что монопольно обосновавшиеся частновладельческие издательства, как правило, «оседлали» своекорыстные коммерсанты, жаждущие только лишь «длинного рубля», а в книжной тематике ни уха, ни рыла не разумеющие. И в целом ряде таких вот самых разнокалиберных издательств я получил решительные отказы: хозяева побаивались, что читатели встретят книгу с таким же безразличным равнодушием, как и они сами.

Наконец, я обратился во вроде бы солидное «Агентство «Фаир»». Молоденький паренек — главный редактор — встретил меня с замечательным вниманием, хотя это вовсе не помешало ему... потерять мою рукопись. А затем, откладывая с недели на неделю, наконец, сообщил, что таинственный анонимный рецензент труды мои не одобряет, так как по старинке все еще уверен, что самбо создал Харлампиев и **никто** другой!..

Впоследствии, правда, юный , главред все-таки «смилостивился» и согласился признать авторство В.С. Ощепкова, только вот опять вышло это совсем не в мою пользу. Дело в том, что самый уважаемый и высокоценимый в «Фаире» автор, который украсил свою скромную русскую фамилию звучным «довеском» «Катанский» и даже пожаловал сам себе замысловатый герб, выпросил у меня разрешение включить в очередной «том» его очень однообразного «полного собрания сочинений» три моих очерка об истории самбо. Но когда его книга была уже набрана, этот кристально честный рыцарь восточных единоборств высокого 5-го дана наотрез отказался отдать мне положенный гонорар, как его ни стыдили в издательстве. А я вовсе не собирался подавать ему на бедность и без гонорара печатать мои очерки запретил.

Но и здесь этот хитроумный ученый муж - доктор наук и «академик МАИ» — не растерялся и пересказал мои работы «своими словами» настолько безграмотно, неряшливо и примитивно, что мне теперь просто стыдно видеть его ссылки на мою фамилию, при всех его заискивающих славословиях в мой адрес. Меня поражает, например, что этому «академику и герою» неизвестна разница между словами «биограф» и «библиограф». Дело в том, что меня он величает «первым библиографом В.С. Ощепкова», хотя занимался я только биографией этого специалиста, а отнюдь не библиографией его печатного наследия.

Пытался я постучаться и в развалины того, что когда-то было процветающим государственным издательством «Физкультура и спорт». Дважды получал от ворот поворот, а когда меня, наконец, «удостоили», сам отказался публиковать у них то, что осталось от моей книги после «высококвалифицированной» издательской редактуры.

Моим следующим издателем вызвался стать вице-президент Всероссийской федерации самбо, калининградский бизнесмен А.П. Хлопецкий, пообещавший финансировать публикацию моей работы. Ему тоже очень хотелось увидеть книгу об Ощепкове. Но не мою, а свою собственную. Он погрузил меня в самолет по высшему разряду и бизнес-классом отправил прямо в Калининград. Там я передал необходимые сведения его литзаписчице — лучшей журналистке региона — и написал послесловие к его уже продающейся сейчас книге «И вечный бой». Специально предупреждая читателей, подчеркнул в нем, что книга чисто «фантазийная», хотя и говорится в ней о реально существовавших людях. Так, совершенно ясно, что уже серьезно больной архиепископ Николай Японский в последние два года своей жизни никак не мог благословить еще ничего не знающего 14-летнего подростка Васю Ощепкова на принесение в Россию японских секретов дзюдо. Точно так же, содержит серьезные ошибки и изложение в книге истории создания дзюдо. Я вынужден сказать об этом еще и потому, что мое послесловие оказалось заметно «отредактировано».

Не знаю, хотел ли Хлопецкий, чтобы его книга вышла в свет значительно раньше моей, или были у него какие-то еще неизвестные мне соображения, но от обещанного финансирования моей книги он наотрез отказался. И предложил лишь передать мою рукопись какому-то калининградскому издательству с тем, что все будет зависеть только от последнего. Разумеется, я вынужден был отказаться от столь «любезного» предложения: уж очень неизвестным мне и труднодоступным — за двумя границами — было это издательство.

Не знаю, сколько мне пришлось бы еще «кувыркаться», если бы на помощь, как и в прошлых трудных случаях обнародования моих трудов, не пришел Его Величество Случай. Познакомившись с моими журналистскими публикациями и заинтересовавшись ими, на меня вышел А.М. Горбылёв — преподаватель Института стран Азии и Африки, кандидат исторических наук, японист и главный редактор журнала «Додзё». Он и заслуженный мастер спорта СССР, чемпион мира и двукратный чемпион Европы по дзюдо С.А. Косоротов предложили мне сотрудничать и опубликовать книгу в издательстве «Будо-спорт». Стоит ли говорить, что я с огромным удовольствием согласился на самое широкое сотрудничество с этими профессионалами столь редкого у нас высшего класса...

Так окончились мои многочисленные «хождения по издательским мукам», и счастливо завершился тернистый путь рукописи, которую уже в виде книги Вы держите в руках, мой уважаемый читатель!..

Глава 1
Декабрьский «Огонек»

Среди всех боевых систем, практиковавшихся у нас в стране, самбо, безусловно, принадлежит особое место: это целая эпоха в истории нашего рукопашного боя. И это при том, что самбо - один из молодых видов спорта, лежащий в основе эффективной системы рукопашного боя. В 1998 году этот рожденный в нашей стране и ставший единственным нашим международнопризнанным вид спорта отметил всего лишь шестое десятилетие своего официального существования.

Однако же ни один другой пусть даже самый древний спорт, вероятно, не сможет похвастать столь же интересной, но невероятно запутанной и вызывающей такие яростные споры историей. Не только дилетанты, но даже ветераны-профессионалы никак не могут прийти к единому мнению в этом вопросе.

Случилось так, что произрастало самбо не из одного, а сразу из нескольких, к тому же противоречивых, корней. Города, ставшие в начале века его колыбелью, отстояли друг от друга на тысячи километров, а работавшие там основоположники долгие годы даже и не знали друг о друге, а встретившись, вступили в бескомпромиссную конфронтацию.

Словно для того, чтобы специально посильнее запутать своих будущих исследователей, даже сами названия нашей борьбы в одежде то и дело сменяли друг друга, мелькая, будто бы в калейдоскопе. Можно насчитать добрый десяток их до того, как пришло привычное современное наименование «борьба Самбо», то есть САМозащита Без Оружия. Но и в самом этом, окончательно принятом имени заложен вынужденный парадокс, который мы уже привычно не замечаем. А ведь борьба - это спорт, где строго запрещены опасные, членовредительные приемы, а самозащита, совсем наоборот, - система именно таких приемов, причиняющих противнику серьезные и даже смертельные повреждения.

Точно так же по-разному пытаются исчислять возраст этого замечательного единоборства. Кроме официального «дня рождения» - 16 ноября 1938 года, называют еще начало тридцатых годов, когда борьбу в одежде начали культивировать в Москве, проводя публичные состязания, и даже двадцатые годы - время формирования одного из его прототипов.

Различные авторы, говоря о создателе самбо, его основоположнике, называют трех разных специалистов: В.С. Ощепкова, В.А. Спиридонова и А.А. Харлампиева. Причем, то кого-то одного, то всех вместе, а то - всего лишь двух из них. Впрочем, совсем недавно харьковчанин Г. Панченко, вероятно, решив, что этого недостаточно, «сопричислил к лику основоположников» еще двух старых специалистов: Нила Николаевича Ознобишина и Ивана Лукьяновича Солоневича. При этом, демонстрируя глубину своей эрудиции, первого из них он именует «Нилом Ниловичем», а второго - «Иваном Лаврентиевичем». В действительности же ни один из этих людей к созданию самбо не имеет никакого отношения, хотя каждый из них в свое время и написал руководство по рукопашному бою...

Но, однако, при всех этих разнотолках главным было, бесспорно, то, что над историографией самбо слишком долго и вредоносно довлела густо замешанная на крови политическая конъюнктура, откровенное невежество, историческая беспамятность и безнравственно болезненное честолюбие. Те, кому в былые большевистские времена доверялось писать о создании самбо, если даже и знали опасную правду, то всеми силами старались ее скрывать. А публике десятилетиями преподносились красивые, идеологически выверенные мифы.

Я очень давно заинтересовался этой историко-спортивной криптограммой и думаю, что, в конце концов, мне удалось расшифровать ее. Только уж очень непростым и долгим оказался этот путь к истине, потребовавший даже не годы, а десятилетия поисковой и исследовательской работы: слишком глубоко и тщательно, казалось бы уже на веки вечные, были похоронены нежелательные подлинные факты. И слишком бдительно охраняли «захоронение» влиятельные лица, проложившие в этом мудреном лабиринте хитро придуманные ложные, тупиковые дорожки.

Задним числом бывает очень приятно преподнести себя этаким проницательным и мудрым человеком, сразу же все понявшим и все разгадавшим. Но честно признаюсь: не раз сбивали меня с толку эти ловко сварганенные фиктивно-прямолинейные тропинки. Пришлось и мне изрядно потоптаться на них. Неколебимо логичными и правдоподобными выглядели все сюжетные ходы этого прочно утвердившегося, официально утвержденного спортивного мифа. И лишь годами копившиеся очевидные факты все заметнее и беспощаднее размывали хитро заделанные и умело закрашенные трещины в этом «монолите». Крошилась и осыпалась веселенькая розовая штукатурка, обнажая зияющие дыры самой бесстыдной лжи, а процесс создания самбо вырисовывался вовсе не таким уж празднично нарядным и простецки прямолинейным, как преподносил его советский официоз. Увы, но в жизни, почти как и в физике, любое действие встречает противодействие. И за моей спиной лицемерно и ловко «притормаживали» публикацию разысканных мной правдивых сведений, а взамен «по-дружески» навязывали явно фальсифицированные «новые уникальные» материалы. А потом и вовсе постарались «перекрыть мне кислород» стараниями отдела идеологии ЦК КПСС...

Но шаг за шагом проникал я в тайны очень непростой истории создания этого замечательного единоборства - самбо: часами просиживал в архивах, включая архивы КГБ и ГРУ; беседовал со многими ветеранами из первых поколений самбистов; отыскивал документы, книги, фотографии, публикации в старой периодике...

А все началось пасмурным декабрьским утром 1947 года, когда я достал из почтового ящика свежий номер «Огонька» и прочитал там увлекательный очерк писателя И. Рахтанова «История самбо».

Совсем не часто выпадает на долю даже самых известных журналистов такой шумный успех и поистине неукротимый читательский интерес, какой достался в свое время рахтановскому очерку.

С тех пор минуло уже целых полвека, но я отлично помню, какое огромное впечатление произвел он на меня и моих юных сверстников. Его автор - писатель и отличный журналист непосредственно со слов своего героя - Анатолия Аркадьевича Харлампиева, который уже стал бесспорным лидером в послевоенном самбо, замечательно живо и ярко рассказал о том, как создавался этот темпераментный вид борьбы и надежнейшая система самозащиты. Как во все времена, мальчишки и тогда бредили неотразимыми боевыми приемами, способными сделать их непобедимыми героями, и, я думаю, не было ни одного парня, который по много раз с волнением не перечитывал бы Рахтанова, смакуя живописные детали его повествования. Покоряла, к тому же, и абсолютная новизна информации. Очерк стал самым первым рассказом о самбо в массовой, а не специальной, спортивной печати. И если о джиу-джитсу знали тогда понаслышке почти все, то совсем недавно вошедшее в спортивный обиход самбо было известно еще очень немногим. Даже само название его, только что перешедшее в спорт с обложек специальных руководств по самозащите с грифом «Для служебного пользования», произносили зачастую неправильно, с ударением на последнем слоге - «самбо». Что же касается его происхождения, то об этом вообще знало считанное количество лю-

дей, которые к тому же, в силу определенных обстоятельств, предпочитали помалкивать.

А здесь вдруг на страницах журнала раскрылась нам во всей яркости своих живописных красок повесть о замечательном энтузиасте А. Харлампиеве, посвятившем свою жизнь созданию самбо и сумевшем успешно выполнить эту большую и далеко не простую задачу. Случилось же это так.

Отец Анатолия был профессиональным боксером и известным преподавателем этого спорта, а дед, по словам автора очерка, «знаменитым в Смоленской губернии кулачным бойцом». И хотя в русском национальном виде спорта кулачном бое «стенка на стенку» подножки были строжайше запрещены, дед был большим мастером этого типа бросков и якобы даже успешно использовал их в кулачном бою.

И вот, не по годам сообразительный мальчик однажды задумался, а кто же все-таки победит в настоящей боевой схватке: отец, соблюдающий в бою все каноны боксерского ринга, или дед, действующий не только кулаком, но и

СПОРТ

ИСТОРИЯ «САМБО»

И. РАХТАНОВ

Одна из публикаций очерка И. Рахтанова «История " САМБО"»

подножкой. Получалось, что одолеть должен все-таки дед. Уже повзрослев, Анатолий поделился этими давними своими раздумьями с отцом. И тот, вопреки всем своим корпоративно-боксерским соображениям, неожиданно согласился с сыном: подножка - действительно большая сила в боевой схватке. И даже посоветовал пойти в Нескучный сад, где летом собирались московские татары и устраивали импровизированные состязания по татарской борьбе «куряш». (Сейчас такой совет представляется мне довольно странным, так как именно подножки в «куряше» запрещены.)

Заметьте, что в очерке Анатолий говорит о своем отце как о человеке, вдохновившем его на создание борьбы самбо: «Первая мысль о моей учебе пошла от него. Это он посоветовал заняться национальными видами борьбы...» Следуя этому мудрому совету, Харлампиев-младший, так сказать, «пошел в народ»: тем же летом он отправляется на Кавказ, чтобы познать там грузинскую национальную борьбу «чидаоба». Начиналась его многолетняя учеба народной спортивной мудрости. И вот, изучив технику этого древнего темпераментного единоборства и уже возвращаясь домой, он «лежал на поскрипывающем матраце мягкого вагона и думал». Именно тогда, на матраце, его осенила сверхценная идея: он решил создать «борьбу советскую, борьбу вольного стиля». А для воплощения этой идеи в жизнь собрать наиболее эффективные приемы всех известных видов борьбы и сконструировать на этой базе новый и наилучший тип борьбы, который объединит достоинства всех своих предшественников и в то же время будет лишен их недостатков. Эта синтетическая и обладающая большим чисто прикладным значением борьба, в свою очередь, станет основой наиболее действенной системы самозащиты. И еще не одно лето бродил Анатолий по горным тропам Кавказа, постигая все премудрости азербайджанской борьбы гюлеш, армянской - кох, карачаевской, балкарской и многих других. А потом еще немало километров прошагал по знойным пескам Средней Азии, пристально присматриваясь к действиям местных борцов-пехлеванов и изучая все их мудреные ухватки. Оказалось, что этот подвижник обошел чуть ли не весь Советский Союз, кропотливо разыскивал и требовательно отбирал наиболее эффективные приемы национальных видов борьбы и самозащиты. Ни мало ни много, он целых «двадцать три вида народной борьбы нашел и изучил» и, плюс к этому, «пятнадцать видов зарубежной борьбы тщательно изучил».

Засел он также за изучение древних народных преданий, былин, старинных летописей и манускриптов, выискивая в них описание использовавшихся в былых схватках приемов. Не забыл Анатолий и проштудировать иностранные книги, посвященные таким боевым видам спорта, как бокс, борьба, дзюдо, джиу-джитсу. А уж только затем, на благодатной основе всех этих богатейших познаний, абсолютно самостоятельно и единолично, но, тем не менее, вполне успешно сконструировал задуманную борьбу и самозащиту, создав свою «принципиально новую и наилучшую советскую систему».

Эпизод, в котором Анатолий знакомил, наконец, товарищей-спортсменов с неотразимыми приемами своей борьбы, был, разумеется, самым выигрышным, «ударным» местом очерка. О нем Рахтанов повествовал особенно ярко и взволнованно.

Летом 1938 года в Москву из всех союзных республик съехались борцы на первый всесоюзный сбор по борьбе дзюдо. И вот тогда старший тренер сбора Харлампиев неожиданно обратился к участникам сбора с такими словами: «Призываю вас отдать все свои силы родной советской борьбе вольного стиля вместо того, чтобы заниматься чуждой нам японской экзотической борьбой «дзю-до»».

Сама форма призыва к «родной советской» никого удивить не могла: в те годы пышным цветом цвели такие вот невероятно пламенные, но неискрен-

Вырезка из журнала физкультура и спорт», № 11, 1982 г.

ние высказывания. Присутствующих поразило другое: «родной советской» вообще еще не было!

- Она есть, - решительно ответил старший тренер и сейчас же начал демонстрировать сомневающимся чудеса своей неуязвимости и мощи, блестяще победив каждого. Один из них тотчас «летит вверх ногами». Еще одно нападение на изобретателя новой борьбы кончается тем, что «противник распростерт». Атаку очередного нападающего - азербайджанца Ахмедова - неустрашимый и неуязвимый Харлампиев встречает с плотно завязанными глазами. «Все увидели быстрое мелькание тел и услышали голос Ахмедова:

- Сдаюсь!

- Болевой прием, - спокойно пояснил Анатолий Аркадьевич, снимая повязку. - Очень коварный прием, употреблялся в монгольской борьбе времен Тамерлана. Я применил его в ответ на нападение сзади».

Однако недоверчивый Ахмедов подозревает, что Харлампиев все-таки видел его из-за неплотной повязки, и просит повторить эксперимент уже с плотно завязанными глазами. Вы, конечно, догадываетесь, что результат был столь же неутешительным для Ахмедова. «Он напал сбоку и снова оказался поверженным». Теперь уже никто не смел сомневаться в небывалых качествах харлампиевского детища, все дружно начали изучать, практиковать и совершенствовать его борьбу. Ее и решили назвать «самбо», так как она давала возможность защищаться от нападения даже без оружия.

Имевший необычайно шумный успех очерк Рахтанова раз шестнадцать, если не больше, перепечатывался в различных журналах и сборниках. Мало того, спортивные журналисты, не очень любившие самостоятельный сбор, а тем более - проверку исходных материалов, наперебой бросились разрабатывать завлекательный рахтановский сюжет, который прямо-таки на глазах обретал величественные мраморно-бронзовые контуры подлинной истории.

Разве могли мы, юные спортсмены, заподозрить тогда, что был это удивительный случай, когда человек ловко и беззастенчиво сам о себе творил спортивную легенду?

Рахтанов, словно Колумб, открывал для широкой публики новый спортив-

ИЗ НЕДР НАРОДНЫХ

Александр ЖИЛЯЕВ, мастер спорта, Москва.

ОТ РЕДАКЦИИ. Мы связались с автором этого письма. И выяснилось, что Александр Степанович ЖИЛЯЕВ не только мастер спорта по самбо, но и заместитель директора Института ядерных исследований Академии наук СССР. Вот мы и попросили его обосновать свое предложение на страницах журнала.

ный континент, но так же, как тот мореплаватель, не смог избежать серьезнейшего и досадного заблуждения!

Разумеется, я, как и мои молодые сверстники, в ту пору свято верил любому печатному слову, и харлампиевская версия не вызывала у меня даже тени сомнения. Единственное, что меня несколько смущало и оставалось непонятным, - почему Рахтанов в своем интересном очерке не нашел нужным упомянуть о В.А. Спиридонове, заведомо раньше Харлампиева начавшем работать в области самозащиты и создавшем именно ту систему, которую он назвал «самбо»?

Дело в том, что в те годы я был уже знаком с этой системой, хотя еще ровным счетом ничего, кроме фамилии, не знал о ее авторе. Именно это чисто практическое знакомство со спиридоновской системой и недоумение по поводу умолчания о ней у Рахтанова и стали первым импульсом, давшим начало моему поиску. Сначала это была работа только для самого себя, всего лишь ради удовлетворения собственного интереса. И лишь со временем я осознал ее отнюдь не камерное, а чисто публичное спортивно-историческое значение. Ее важность для документально точного воссоздания подлинной, а не измышленной истории борьбы самбо и воздания должного памяти ее неблагодарно забытых первооткрывателей.

По младости лет и в силу своего полного незнания я даже приблизительно не мог представить, какую труднейшую и долговременную задачу поставил перед собой. Разве мог я тогда догадываться, какие мыслимые и немыслимые барьеры предстояло преодолевать? И разве поверил бы тогда, в конце сороковых, что смогу добывать необходимые сведения не только в открытых, но и строжайше засекреченных архивах? Таких, как архив КГБ или Главного разведывательного управления Генерального штаба Вооруженных сил?!

Для меня началась необыкновенно увлекательная ЭПОХА ВЕЛИКОГО ПОИСКА! Работа становилась все интереснее и вместе с тем значительно сложнее. Чем основательнее я углублялся в свои разыскания, тем больше расширялось поле предстоящей работы. Стоило разгадать одну загадку, как в ней, словно в игрушечной матрешке, оказывался десяток новых и еще более непонятных.

И если бы я трудился в силу каких-то рутинных служебных обязанностей, то абсолютно уверен, что не смог бы набраться терпения и на одну десятую той работы, которая была проделана. Но меня неутомимо вел вперед неугасимый исследовательский, если хотите, даже следовательский азарт, заболев которым, уже никак от него не избавишься. А на определенном этапе возник и еще один могучий стимул: горячее сочувствие и обида за горькую судьбу В.С. Ощепкова, талантливого человека, оболганного и опозоренного, безвинно погибшего в сталинском застенке. Замечательного специалиста, прочно забытого на долгие десятилетия по приказу свыше и воровски лишенного своего бесспорного приоритета в области создания борьбы в одежде у нас в стране. Однако это - ощепковское - направление поиска появилось значительно позднее, а в те начальные годы я знал только лишь о Спиридонове, и, естественно, мои разыскания начались именно с него...

Глава 2
Удачное начало

Когда говорят о послевоенной разрухе начала двадцатых годов, представляют полузатопленные шахты, поросшие травой заводские дворы, искалеченные, ржавеющие в тупиках паровозы. Но наследство семи тяжких военных лет этим вовсе не исчерпывалось. Война калечила не только железо. Еще никогда до этого в стране не было такого количества профессиональных преступников. Щедро раскиданное войной оружие оседало в их руках.

Бесчинствовали недобитые банды разнокалиберных батек, всех этих «Ангелов», «Огальцов», «Марусь». В лесах оседло обитали «зеленые» - диковинный анархистский конгломерат уголовников в бегах и дезертиров. Да и не только леса становились бандитской вотчиной. Надежно скрытые, затерянные в бесчисленных переулках крупных городов во всю процветали воровские «малины», где до поры до времени уголовники тоже чувствовали себя довольно уютно.

В свое время одним из прекраснодушных, но не слишком мудрых жестов Временного правительства стала всеобщая и полная амнистия, размашисто распространенная даже на самых опасных из уголовных преступников. После этого «милостивого» деяния все ветераны ножа и отмычки, все, даже самые закоренелые, негодяи и убийцы вновь оказались на свободе и, поощренные безнаказанностью, с новым пылом принялись за свое привычное грязное ремесло. Бурные события Гражданской войны не позволили организовывать достаточно широкую и эффективную борьбу со всей этой публикой, а бесчисленные ватаги беспризорных являлись для них богатым резервом при вербовке подручных.

Хорошо вооруженные, крепко спаянные угрожающим, густо замешанным на крови авторитетом главаря, банды тех лет представляли очень большую опасность. Впрочем, при нынешней суперпреступности, положение того тяжкого времени нам совсем нетрудно представить.

Существовала и еще одна угроза: уже не уголовная, а чисто политическая. Недостаточно надежно охранявшиеся тогда наши границы переходили не только жаждавшие наживы, хорошо вооруженные контрабандисты, но еще и целые стаи шпионов, террористов, диверсантов, связных, разномастных заговорщиков. И, конечно же, все они получали щедрую помощь и поддержку из-за рубежа...

Можно как угодно относиться к красным и белым, но при этом исходить исключительно лишь из подлинных фактов и излагать их правдиво. Без той откровенной политпроституции, которая таким зловонно пышным цветом расцвела за последние годы в наших неподкупно-демократических средствах массовой информации.

Да, это истинная правда, что среди белой эмиграции было очень много честных, самоотверженных и талантливых людей. Но правда и то, что эмигрантские круги тесно сотрудничали со множеством иностранных разведок, поставляя им опытных и смелых людей, которые направлялись на территорию своей родины для ведения шпионажа, осуществления провокаций, террора и диверсионных актов: взрывов, поджогов, крушения поездов. А гибли при этом ни в чем не повинные русские люди. И уж здесь приходилось самым решительным образом бороться как со своими «родными» диверсантами и шпионами, так и с чисто иностранным «импортом».

Просто невероятным кажется нам теперь, что не имевшие специальных познаний и даже достаточного практического опыта чекисты и милиционеры смогли обуздать всю эту преступную свору. Но это было так. Борьба велась

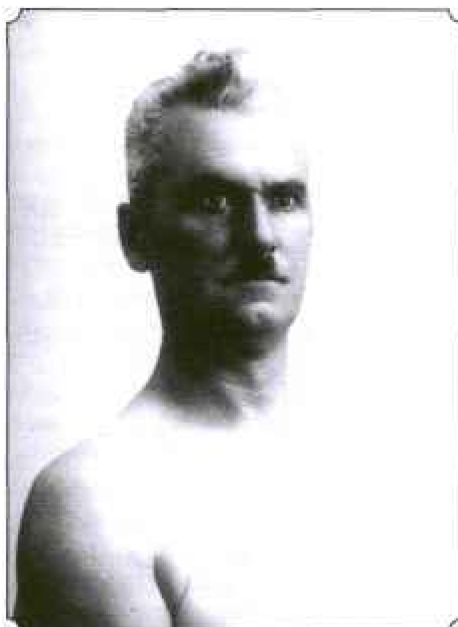
отчаянная и беспощадная, она затянулась на несколько лет. И сколько раз оперативным работникам приходилось слышать короткий, всего в два слова приказ: «Взять живым!»

Взять живым... А «брать» приходилось и увешанных оружием головорезов, и шпионов, вышколенных японскими профессорами дзюдо. Им нечего было терять, на убийство они шли, не задумываясь. Только мелькали лезвия бандитских финок, и прямо в глаза заглядывал дульный срез браунинга или нагана...

Очень были нужны в этих смертельных поединках простые, безотказные приемы обезоруживания и задержания. Но очень немногим было известно тогда имя человека, которому довелось начинать выполнение этой нелегкой и непростой работы, - Виктор Афанасьевич Спиридонов.

Когда я начал собирать материал о Спиридонове, то рассчитывал, прежде всего, разыскать его родственников, обстоятельно побеседовать с ними, изучить сохранившиеся у них документы, записи, книги, фотографии. И, конечно же, в архиве детально ознакомиться со служебным личным делом Виктора Афанасьевича. Тогда со дня смерти старого самбиста прошло не так уж много времени, еще были живы многие его ученики, сослуживцы. Казалось, что поиски не должны встретить особых затруднений. Но так, к сожалению, только казалось, и нельзя было не подивиться, как безжалостно стирает иногда время следы даже недавних событий. Конечно, влияло здесь и то, что не только сами чекисты, но и связанные с их работой люди по долгу службы были обязаны всегда оставаться «в тени» и избегать излишней огласки. Естественно, что о Спиридонове не существовало ни одной публикации. Но и этим дело вовсе не ограничивалось.

Детей у Виктора Афанасьевича не было, а его жены, братьев и сестры уже не оказалось в живых. После долгих розысков в различных архивах и многочисленных запросов, я получил официальное сообщение о том, что личное дело,

Виктор Афанасьевич Спиридонов

заведенное на Спиридонова как на работника «Динамо», было уничтожено в военном сорок первом году. Человеческая память, увы, тоже оказалась не абсолютной. От бывших сослуживцев Виктора Афанасьевича я услышал лишь то, что он являлся старейшим советским знатоком самозащиты без оружия и по этой специальности лет двадцать проработал в «Динамо» еще в довоенные времена. И почти абсолютно никаких сведений о дореволюционной биографии Спиридонова. Откуда он был родом, где учился, какую первоначально имел профессию и еще многое-многое из того, что составляет жизнеописание человека и что рисует нам его характер, оставалось совершенно неизвестным, начисто отсутствовало. А между тем, были все основания предполагать, что личность эта была незаурядная и достаточно интересная. Даже один лишь характер проделанной Виктором Афанасьевичем работы красноречиво свидетельствовал об этом...

Но совсем по-разному рассказывали, например, о дореволюционной профессии Спиридонова три хорошо знавших его старых динамовца. «Я считал, что Спиридонов - капитан дальнего плавания», - уверенно сказал один из них. А другой - с той же категоричностью: «Он же был полковником гвар-

дии! Я точно знаю... Высокий - два метра роста, выправка отличная!» Третий, хотя и не мог дать точного ответа на мой вопрос, помнил, что якобы Виктор Афанасьевич отлично умел... шить дамские ботинки («Знаете, такие высокие, почти до колена, как в то время носили»).

Не буду утомлять вас описаниями того, как я отыскал дом, в котором когда-то жил Спиридонов, как с помощью соседей и его бывшей прислуги, уже давно съехавшей со старой квартиры, удалось, в конце концов, найти в Горьком единственную оставшуюся в живых родственницу моего героя. Пытаться установить степень их родства я, правда, до сих пор не беру на себя смелость: она была падчерицей младшей сестры Виктора Афанасьевича. Помнила, однако, его довольно хорошо. И даже сохранила старый-престарый семейный спиридоновский фотоальбом. Сообщила мне немало интересного, хотя нередко грешила неточностями за давностью лет. Материал собирать пришлось по крохам, но восстановить биографию Спиридонова все-таки удалось.

Лишь разыскав и опросив несколько десятков человек, могущих хоть что-нибудь сообщить о Спиридонове, я ухватил, наконец, хоть какую-то путеводную нить. И оказалась она настоящей нитью Ариадны. Я узнал, что до «Динамо» Виктор Афанасьевич преподавал на курсах Всевобуча, то есть Главного управления всеобщего военного обучения, введенного еще во время Гражданской войны. Немедленно отправился на Большую Пироговскую в одно замечательное учреждение - Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства.

Тот, кто знает об архивах понаслышке, представляет их скучнейшими полутемными залами, до самого потолка забитыми пропыленными, пожелтевшими бумагами. Ни в коем случае не верьте этому! Когда берешь в руки действительно пожелтевшие, но отнюдь не запыленные архивные документы - «единицы хранения», перед тобой предстают необыкновенно яркие и увлекательные эпизоды, судьбы людей, которых уже не существует; забытые, а то и вообще не известные никому, кроме тебя, события...

И, наконец, вот он у меня в руках - послужной список, то есть личное дело работника курсов Всевобуча В.А. Спиридонова. А на столе горой лежат еще другие «единицы хранения», которые бесстрастным, но точным языком документов рассказывают о жизни этих самых курсов, учебных дисциплинах, преподавателях, курсантах и многом другом...

Но теперь мне этого уже мало! Собственноручно заполненный Спиридоновым послужной список говорил, что он действительно был офицером старой армии. Значит, необходимо отправляться уже в другое, такое же замечательное, но еще более романтичное архивное учреждение - Центральный государственный военно-исторический архив СССР. Помещался он на тихой 2-й Бауманской - в прошлом 2-й Немецкой - улице в старинном здании с парадным арочным въездом, бывшем меншиковском дворце. Когда, минуя вросшие в землю, толстые, словно крепостные, стены его ограды, вступаешь в проходную и видишь вдруг проверяющего пропуска сержанта, то его современная армейская форма воспринимается каким-то кричащим анахронизмом. Кажется, встретил бы на его месте бравого петровского гренадера с полусаблей на поясе, тяжелой фузеей в руках, и вовсе бы не удивился...

И снова в руках спиридоновский послужной список, теперь еще более старый - офицерский, 1915 года, прошнурованный и скрепленный уже начавшей крошиться сургучной печатью... Виктор Афанасьевич действительно еще до революции был кадровым офицером. Но не полковником, и не гвардии. Происходил из мещан Вятской губернии. В семнадцать лет, не закончив гимназию, ушел в армию рядовым - «вольноопределяющимся». За свою стать направлен в Кремлевский батальон. Заслужил унтер-офицерские лычки и был команди-

В.А. Спиридонов — рядовой Кремлевского батальона

рован в Казанское пехотное училище. Интересно отметить, что учиться ему довелось в одном взводе с будущим маршалом Советского Союза А.И. Егоровым. Но тот по окончании училища был направлен прямо на Кавказ, где участвовал в разгоне пресловутой стачки, организованной Сталиным. А Виктора ожидал совсем другой - «крутой» маршрут.

Юнкера еще осваивали тактику и фортификацию, кололи штыком чучело, а над Желтым морем у Чемульпо уже прогремели орудия «Варяга» - славного крейсера из песни. В 1905 году в новеньких офицерских погонах Спиридонов отправляется туда, где разгорались сражения печально знаменитой Русско-японской войны, - в Маньчжурию. Воевал он в конной разведке. На долю свежеиспеченного офицера выпал совсем недолгий период фронтовой жизни, но, должно быть, у зеленого подпоручика была настоящая солдатская хватка: домой он возвратился с боевыми орденами «Святыя Анны» IV-й и III-й степеней и Станислава III-й степени с мечом и бантом.

Многие из тех, кто лично знал Виктора Афанасьевича, считали, что именно тогда, в Маньчжурии, он и познакомился с джиу-джитсу. Иные утверждали даже, что Спиридонов, будучи раненым, оказался в японском плену и изучил боевые приемы непосредственно в Стране восходящего солнца. Не хотелось бы

Взвод Казанского пехотного училища, в котором учился Спиридонов (третий справа в последнем ряду). Первый справа в нижнем ряду - будущий маршал Советского Союза А.И. Егоров

ВыпускникКазанского пехотного училища В.А Спиридонов

разрушать такую романтичную версию, но приходится сказать, что она не соответствует действительности. Прежде всего, в плену Спиридонов не был. Это удалось установить совершенно точно, по его послужному списку, в котором полагалось отмечать не только пребывание в плену, но даже более или менее длительное отсутствие в части во время отпуска. Что же касается Маньчжурии, то там он находился в течение очень короткого времени, да и сама обстановка едва ли располагала к изучению чего бы то ни было. Но самое главное - это то, что, судя по работам Виктора Афанасьевича, он был знаком только с тем вариантом джиу-джитсу, который оказался занесенным в Европу уже после Русско-японской войны, в период небывало шумного мирового триумфа этой системы самозащиты. Время всеобщего увлечения джиу-джитсу отнюдь не прошло для Спиридонова даром. Был он человеком ловким и сильным, большим специалистом в военно-прикладной гимнастике и без особого труда основательно изучил японские приемы, хотя, вероятнее всего, пользовался при этом всего лишь описаниями в различных руководствах, изданных в России и за рубежом. Увлекшись японской системой еще с 1906 года, внимательно следил и за «цирковой классикой джиу-джитсу», то есть за публичными выступлениями как на наших, так и на зарубежных аренах.

Братья Спиридоновы подпоручик и полковник после возвращения из маньчжурии

Нельзя не отметить, что минский журнал «Кэмпо» в погоне за дешевой сенсацией подбросил свеженькую версию, безграмотную и совершенно бездоказательную, - якобы Виктор Афанасьевич культивировал некое таинственное «офицерское искусство красиво убивать». Подобные примитивные выдумки «знатоков» едва ли даже имеет смысл опровергать...

Несмотря на фронтовые заслуги, успехи Спиридонова по службе, как и любого армейского пехотного офицера, провинциального «армеута», были невелики: истекшие десять лет приносят ему повышение всего лишь на один чин. Он даже выходил в отставку, но затем снова вернулся в армию.

Впрочем, виной здесь были и чисто личные причины, и весьма романтические. На катке он познакомился со старшеклассницей-гимназисткой, купеческой дочерью Клавочкой Чистовой. И хотя Клавдия училась совсем не плохо,

подпоручик рьяно принялся помогать в ее гимназических занятиях. Говорили мне, однако, и то, что, главным образом, была это «наука страсти нежной». Поскольку девушка, хотя и воспитанная в строгих правилах, не смогла остаться равнодушной к своему «преподавателю» - красивому и статному герою недавней войны. Но в то самое время Виктор получил приказ о переводе в Сибирский третий пехотный резервный Нерчинский полк. И чтобы не разлучаться со своей будущей женой, он пожертвовал карьерой: подал в отставку, утратив право на своевременное получение очередного чина. Кадровый, боевой офицер, долго пробыть вне армии он, разумеется, не мог. И всего несколько месяцев спустя снова вступает в службу, но уже в ту воинскую часть, что базировалась неподалеку от его суженой. И был это 238-й Клязьминский резервный батальон, сформированный еще самим Петром I. Бывшая прислуга Спиридоновых, А.М. Казакова, бережно сохранила и подарила мне вместе с некоторыми книгами из библиотеки Виктора Афанасьевича замечательно изданный, с золотым обрезом юбилейный альбом исторического батальона (1720—1910 годы), где на первых же страницах запечатлен бравый черноусый красавец - командир первой роты ВА. Спиридонов.

С первых же дней мировой войны он снова на передовой. Вторая война для командира пехотной роты поручика Спиридонова закончилась в тот самый день, когда в бою под посадом Лашевым над его головой разорвалась вражеская шрапнель. Тяжело контуженный и раненный, он год провалялся в госпиталях, а потом был «уволен от службы с производством в следующий чин и награждением мундиром и пенсией». Пенсия, впрочем, была совсем мизерной: на день приходилось всего лишь по рублю и тридцати копеек, а цены росли, все сильнее обесценивая деньги. Получивший после контузии тяжелое нервное заболевание, Спиридонов обивал пороги военных канцелярий, пытался добиться дополнительного пособия. Лицо его перекашивал нервный тик, а руки тряслись неудержимой дрожью. Мне довелось видеть подшитое к его офицерскому послужному списку ходатайство о пособии, собственноручно написанное Виктором Афанасьевичем. Трудно поверить, что такие пляшущие каракули могли быть выведены рукой взрослого грамотного человека... В выдаче пособия ему отказали. И не в те ли голодные годы пришлось раненому офицеру научиться тачать дамские ботинки? Вообще, у него была уверенная хватка хорошего русского мастерового: при случае мог починить водопроводный кран, брался и за другие слесарные работы.

Командир первой роты 238-го Клязьминского резервного батальона В.А. Спиридонов

Революцию Спиридонов встретил в Москве. Время было нелегким для бывших офицеров: в них видели потенциальных врагов, подозревали в измене. Отставному штабс-капитану пришлось почувствовать это на себе. Однажды он был даже арестован, к счастью, ненадолго.

Революция лишила его даже той небольшой офицерской пенсии, какую он получал. Но именно тогда он раз и на всю жизнь сделал выбор, с кем идти. Зарабатывать на жизнь в 1919 году пришлось довольно неожиданным образом - работая счетоводом в Главном броневом управлении Красной армии.

Здоровье раненого офицера медленно, но улучшалось, и он снова возвратился к своим старым спортивным

привязанностям.

В Москве, наперекор всей кровавой революционной кутерьме, проводилось очередное первенство России по тяжелой атлетике, под которой тогда понимали не только поднимание тяжестей, но еще французскую борьбу, английский бокс, перетягивание каната, «бросание тяжести (12,7 кг)», «бросание легкого камня (10 кг)» и «толкание камня (16,7 кг)». И хотя это был самый первый советский чемпионат, тщетно вы стали бы искать пусть самое краткое и единственное упоминание о нем в работах по истории отечественного бокса и борьбы. В силу некоторых причин он оказался «потерянным» и забытым. Между тем, состязания эти были весьма своеобразными. Ни продолжавшаяся мировая война, ни начинающаяся Гражданская не могли остудить спортивного пыла наших атлетов из тех, кто уже отвоевался или еще не начинал воевать. Война войной, но неугомонные энтузиасты вынашивали грандиозные планы самого представительного состязания: на первенство должны были прибыть участники даже из далекого туркменского «Асхабада»...

Но уже наступил март 1918-го. Советское правительство только что эвакуировалось из Петрограда в Москву, объявив ее новой столицей. Так называемые «красные латышские стрелки», усилиями которых большевистская власть смогла устоять и упрочиться, и тогда спасли правительственный поезд от разгрома на пути в Москву. Понятно, что именно им была доверена охрана Кремля. Для обеспечения безопасности правительства въезд в Москву кого бы то ни было был строго воспрещен. Казалось бы, из-за этого в состязаниях смогут участвовать лишь москвичи. Но латышские чекисты и красные стрелки располагали широчайшими властными полномочиями и, как жестоко ни блюли революционную дисциплину, для своих земляков-спортсменов, конечно же, сделали исключение. Так что по составу первенство стало московско-латвийским.

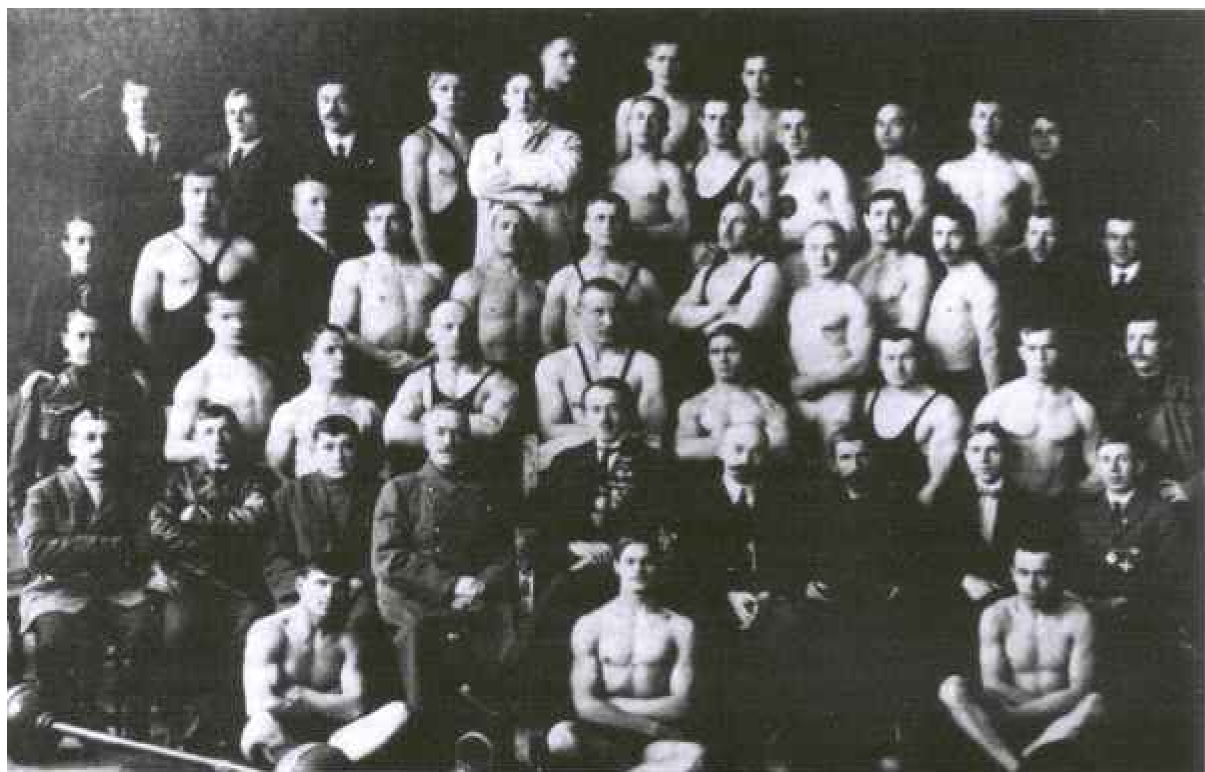
Сохранилась уникальная фотография участников и организаторов этого необычного чемпионата. И на почетном месте в первом ряду можно видеть Виктора Афанасьевича в офицерской шинели без погон. Скорее всего, его как специалиста пригласили судить боксерские поединки.

В то же сложное время был Спиридонов и членом Московского речного яхт-клуба. А в одном из документов указано, что являлся он и начальником школы джиу-джитсу по подготовке инструкторов милиции при Главном уп-

Удостоверение №

Предъявитель сего действительно
Виктор Афанасьевич
Спиридонов состоит
на службе в Главном
Бронсвом Управлении
в качестве счетовода

гор. МОСКВА.

Спиридонов среди участников и судей первого советского чемпионата по «тяжелой атлетике». 1918 год

равлении рабоче-крестьянской милиции. И еще преподавал спортивные дисциплины, вероятно бокс и борьбу, в одной из железнодорожных организаций Всевобуча. Но самое главное, вскоре, окончательно оправившись от последствий контузии, он становится заведующим Московскими окружными курсами инструкторов спорта и допризывной подготовки имени товарища Ленина. Одного из тех учебных заведений, которым суждено было стоять у самых истоков нашего спорта, рождавшегося в бурное и тяжелое время Гражданской войны и иностранной интервенции.

Впрочем, его заведование продолжалось очень недолго: за приглашение на работу опытных, но «классово подозрительных» специалистов бывший офицер расстался с заведованием по требованию бдительной комсомолии. Но и терять знающего работника не захотели: поручили ему преподавать бокс и фехтование. Едва ли без влияния Виктора Афанасьевича в программе курсов появился предмет «Защита и нападение без оружия», главным руководителем которого стал он сам, передав бокс и фехтование другим преподавателям, теперь уже «классово близким».

Годы Первой мировой войны уже достаточно наглядно показали, что при боевых столкновениях вплотную важны навыки не только штыкового боя, но еще и умение бойца применять в рукопашной схватке удары руками, ногами, подножки; использовать оказавшиеся под рукой предметы: лопату, кирку, даже просто палку или камень, не говоря уже о холодном оружии. Столь же явственно определилась и ценность умения в случае необходимости даже безоружным противостоять вооруженному врагу и обезоружить его.

Еще с начала Гражданской войны в Советской России было введено обязательное всеобщее военное обучение мужчин, начиная с шестнадцатилетнего возраста. Программа обучения являлась весьма прогрессивной. Стремясь максимально вооружить будущих красноармейцев полезными боевыми навыками, руководство Всевобуча ввело в программу обучения, кроме штыкового боя, еще и минимальные навыки английского бокса и французской борьбы в качестве средств боя без оружия. (Разумеет-

ся, программа эта не всегда и не везде реализовывалась в полном объеме.)

В организациях петроградского Всевобуча работал такой опытный спортсмен, как доктор Н. Петров, вице-чемпион Лондонской олимпиады по французской борьбе, знакомый к тому же и с боксом, и с джиу-джитсу. Считая, что некоторые приемы джиу-джитсу могут принести в бою больше пользы, чем бокс, он стал знакомить с ними своих учеников, вместо ударов бокса. Но местные власти запретили ему делать это, считая недопустимыми отступления от утвержденной программы.

Однако в то время джиу-джитсу при всех его недочетах - действительных и мнимых — продолжало оставаться единственной системой, располагавшей не только ударами и бросками, но еще удушающими и болевыми приемами. Западные страны, во многом тогда еще обгонявшие нашу страну, не случайно ориентировались именно на японскую систему. Значительно прозорливее петроградцев показали себя москвичи, которые включили в программу окружных курсов и Главной военной школы физического образования трудящихся не только бокс и борьбу, но еще джиу-джитсу в рамках предмета «Защита и нападение без оружия». Впоследствии эта дисциплина была введена и на других окружных курсах инструкторов спорта и допризывной подготовки, открывавшихся в некоторых крупных городах и ставших кузницей первого поколения советских спортивных специалистов.

Справа - В. А. Спиридо - нов

Московские курсы размещались на Малой Царицынской (нынешней Малой Пироговской) в большом красивом доме, построенном незадолго до революции в модном тогда стиле модерн для Высших женских курсов, и находились неподалеку от места, где жил Спиридонов, и совсем уже в двух шагах от архива Октябрьской революции, который открыл «зеленую» улицу в моих поисках. Над центральным входом, на углу бросалась в глаза яркая вывеска. На вишневом поле - синие буквы: «Курсы имени товарища Ленина». Еще выше - укрытый в лоджии от дождя и солнца большой портрет Ленина во весь рост. Тот, где стоит он вполоборота, заложив руку в карман брюк. Портрет, сделанный по кадру кинохроники, которая специально запечатлела выздоравливающего после ранения вождя.

А у входа по тротуару расхаживал юный часовой в плохонькой, «подбитой ветром» шинели с красными нашивками на груди - «разговорами» — и в остроконечном шлеме-«краснобогатырке», который армейские остряки непочтительно окрестили «репкой» или «рукомойником», подхалимски переименованном впоследствии в «буденновку». Перелистывая сегодня архивы курсов, то и дело натыкаешься на исписанные листки скверной, словно оберточной, бумаги: «Рапорт. На занятиях отсутствуют курсанты такие-то. Больны брюшным тифом... Больны инфлюэнцией...» Время было героическим и для спортсменов. Трудно даже понять, как эти полуголодные парни находили силы для спорта. А они занимались им азартно, увлеченно, не через «не хочу», а с подлинным энтузиазмом, как, впрочем, тогда делалось все...

Программа обучения инструкторов была обширная, пожалуй, даже в наше время она не показалась бы обедненной. За два года предусматривалось изучение многих дисциплин: от физиологии и истории физической культуры до практического ознакомления с

добрым десятком различных видов спорта. Но сейчас нас интересует только предмет «Защита и нападение без оружия», по которому должность главного руководителя исполнял Виктор Афанасьевич.

Сегодня с тех сияющих высот, на которые взошли спорт и искусство самозащиты в наши дни, мы едва ли сможем не только в полной мере понять, но даже достаточно отчетливо представить те невероятные трудности, с которыми неминуемо должен был столкнуться Спиридонов. В том новом и очень нелегком деле обучения курсантов, за которое он взялся, единственным подспорьем у него был **только** некоторый опыт преподавания (в бытность офицером, он обучал на военных сборах ратников государственного ополчения, то есть рядовых запаса). Известно, что в те годы спорт и, главное, его преподавание стояли на очень низком уровне, особенно в России, где физическая культура еще не успела получить достаточного развития. Но если почти в любом из культивировавшихся тогда у нас видов спорта уже существовал, пусть очень небольшой, но, тем не менее, какой-то положительный опыт, то в самозащите не было даже этого. Больше того: алчная и невежественная орава самозванных знатоков джиу-джитсу коммерческого толка успела настолько скомпрометировать эту систему, что многие из спортивных специалистов уже просто не принимали ее всерьез. Многие, но только не Спиридонов. Бросавшиеся в глаза недостатки «японской» самозащиты не могли помешать ему видеть ее несомненные и немалые достоинства, понимать ее «рациональное зерно». И его не испугали ни сложности, ни объем работы, которую предстояло выполнить. А начинать пришлось с нулевой отметки, а если хотите, даже с отрицательной. Он вторгался в область, где все было неясно, а зачастую и намеренно запутанно. Никакой методики преподавания не было и в помине. Да и какая там методика, когда Спиридонову приходилось начинать с каких-нибудь двух-трех десятков

приемов, из которых далеко не все были достаточно надежны. Все, абсолютно все нужно было находить и решать самостоятельно в процессе преподавания: какие именно приемы отобрать и показать курсантам, как объяснить, в какой последовательности построить обучение. Необходимо было проанализировать и точно оценить арсенал джиу-джитсу, решительно отбросить все устаревшие и рекламно-коммерческие приемы.

В экзотической японской системе иные приемы (рекламы ради) исполнялись только одной рукой. Другой же следовало картинно подбочениться. Нет, не этому стал учить Виктор Афанасьевич своих питомцев. Уж кто-кто, а он-то отлично знал, что боевая схватка - это всегда и боль, и страх, и кровь. Позировать там уже не остается времени. Главный руководитель старался придирчиво отбирать только самые надежные и простые приемы, на которые можно было бы положиться в любой переделке. Этому правилу он будет неизменно следовать и в дальнейшем, в течение всех двадцати лет своей деятельности. И неудивительно, что, просматривая современные руководства самообороны, нередко встречаешь то, на чем когда-то остановился Спиридонов.

Работа, конечно, велась, что называется, на ощупь, почти вслепую. Далеко не

все выходило гладко. Немало было ошибок, заблуждений. Да и разве могло их не быть при таких сложных условиях?

С первых же шагов в своей новой работе Спиридонов постарался навести порядок в классификации и терминологии неорганизованного джиуджитсного «хозяйства». В руководствах же по джиу-джитсу того времени приемы располагались совершенно произвольно, вываливались как из мешка, хотя авторы и утверждали иногда, что преподносят их читателю «в порядке трудности». Но ведь оценка степени трудности - тоже дело сугубо субъективное, и как основа классификации совершенно не пригодна.

Японские термины были совершенно непонятны и ровным счетом ничего не говорили о приеме, который они обозначали. Попробуйте-ка угадать, что такое «тенту ашида» или «гяку». Попытки перевода образных японских терминов на русский или самодеятельные наименования тоже отнюдь не улучшали положения. Бросок «рухнувшая скала», болевые приемы «адское пожатие руки» или «пойдем со мной» - не очень-то удобно пользоваться такими названиями в работе.

Спиридонов же с военной четкостью классифицировал весь тот хаос приемов, который «профессора» джиу-джитсу преподносили своим ученикам. В строгом соответствии с этой классификацией им были введены русские названия всех приемов, полностью и бесповоротно вытеснившие сложную, неудобную и совершенно бессмысленную в русском языке японскую терминологию. Интересно, что спиридоновская классификация до сих пор не утратила своего значения, а введенные им термины живут и в спортивном, и

в боевом самбо: «рычаг локтя», «дожим кисти», «узел», «удержание»...

Но едва ли не самым главным было то, что Спиридонову удалось встать на тот путь (точнее, на самое его начало), по которому пойдет развитие всего современного искусства защиты и нападения без оружия: создание «синтетической» системы, составленной из специально отобранных приемов уже существующих систем.

В пояснительной записке к программе по своему предмету на курсах он указал, что к приемам джиу-джитсу «желательно присоединение отдельных элементов бокса и борьбы, чтобы таким образом составить вполне исчерпывающий, как бы новый предмет «комбинированной самозащиты и нападения без оружия»».

Спиридонов неукоснительно берет на вооружение эту идею. Для него практическое ее воплощение не составляет труда. Бокс он знал настолько основательно, что выступал в роли судьи на таких крупнейших состязаниях тех лет, как первенство РСФСР 1922 года и СССР - 1926-го. Разумеется, был он сведущ и во французской борьбе, которая в первых десятилетиях нынешнего века популярностью превосходила даже современный футбол и в которой разбирался каждый, имевший отношение к спорту.

Начальные шаги Спиридонова на пути создания новой системы самозащиты еще не слишком значительны, но не будем забывать, что шел всего только третий год его работы в этой сфере, завершивший первый этап деятельности Виктора Афанасьевича. Разумеется, решение главных проблем в этом направлении ему еще предстояло в будущем, и вскоре у него для этого открылись отличные возможности.

Глава 3
«Динамо»

В начале 1923 года в Москве было создано Пролетарское спортивное общество «Динамо», объединившее в своих рядах чекистов, пограничников, а затем и милиционеров. В числе учредителей был и Виктор Афанасьевич.

Естественно, что этому обществу, кроме всего прочего, предстояло возглавить работу в области такой специфической спортивно-прикладной дисциплины, как самозащита без оружия. И действительно, динамовская секция защиты и нападения вскоре стала общесоюзным центром по разработке техники, тактики, методики преподавания и пропаганде самозащиты. А начать всю эту деятельность и направлять её в дальнейшем довелось, конечно же, не кому иному, как Спиридонову.
И, наверное, это было вполне закономерно, что он был в ряду самых первых специалистов, влившихся в новорожденное спортивное общество. В 1923. году Виктор Афанасьевич являлся наиболее знающим, если вообще не "генным специалистом в своей области. Входил он к тому времени и в спортивный актив столицы. Все это, несомненно, предопределило его приход в «Динамо», но думается все же, что главная причина была иной. Как и прежде, на передний край Спиридонова вела сама логика его характера. Недаром же рассказывают, что этот бывший фронтовой офицер по собственной инициативе не раз участвовал в операциях по ликвидации бандитских притонов вместе со своими учениками-чекистами. И еще была у этого опытного воина манера старых тренеров по боксу: каждого новичка «проверять на излом», пропуская его через свои сильные руки. И ученики Спиридонова - люди бывалые, не раз попадавшие в разные переделки, - успешно выдерживали этот экзамен.

Его первая группа насчитывала всего лишь четырнадцать молодых оперативных сотрудников. И, стараясь привлечь к занятиям как можно больше народа, заинтересовать военную молодежь, Виктор Афанасьевич выступил в цирке

перед красноармейцами с небольшой лекцией о своей полезной науке и провел показательное выступление своих учеников. Выступление имело большой успех: цирк был переполнен.

Тогда же Спиридонов начал публикацию в спортивном журнале описания приемов для самостоятельного изучения. Однако напечатать удалось всего лишь одну-единственную вступительную статью. Вероятно, начальство запретило делиться «фирменными секретами» с широкой публикой. А редакция журнала, выполняя обещание ознакомить читателей с уже анонсированным материалом, была вынуждена опубликовать несколько статеек некоего Крона на уровне старых книг по джиу-джитсу.

С приходом Спиридонова в «Динамо», начался новый, наиболее зрелый и плодотворный период его деятельности. Он получил теперь огромную, всесоюзную аудиторию. Очень внимательную и очень нуждающуюся в его суровой науке. И Виктор Афанасьевич не обманул ее ожидания. Несмотря на неизмеримо возросший объем работы, он трудился со свойственной ему энергией и, как всегда, с полной самоотдачей. Он обучает боевым приемам чекистов, работников милиции, командиров и бойцов пограничных войск. Вручает им то самое «невидимое оружие», которое так было необходимо в их благородном, но очень опасном труде. Для оперативных работников проводился специальный курс всего в четырнадцать часов. На большее время оторваться от своей беспокойной службы они не могли. И не одному здоровенному бандиту случалось изумляться тем, что скрутил его невысокий, на вид слабосильный чекист.

Однако деятельность в «Динамо» не только предъявляла новые, неизмеримо возросшие требования, она давала еще широчайший простор Спиридонову для осуществления всех его даже самых смелых планов. Недаром же в предисловии к одной из своих книг он впоследствии напишет: «Издавая настоящий труд, являющийся результатом практической работы в стенах Московского Пролетарского Спортивного Общества «Динамо», я приношу свою искреннюю благодарность Обществу за предоставленную мне богатую возможность доказать на деле жизненность и важность «Самозащиты и нападения без оружия»».

Бюро секции самозащиты без оружия

Сопоставление работы Виктора Афанасьевича с уровнем западных специалистов того времени показывает, что система Спиридонова не только не уступает, но кое в чем явно превосходит их. И это, несмотря на отсутствие у него тех возможностей и той широкой специальной информации, которой располагали его иностранные коллеги.

Спиридонов активно продолжает работу над расширением технического арсенала самозащиты на международной основе. Его мнение на этот счет категорично и недвусмысленно: «Искусство самозащиты помогает одержать победу всеми имеющимися средствами, поэтому при самозащите нельзя придерживаться одной какой-либо системы, никогда не охватывающей всех многочисленных и многообразных положений при жизненных столкновениях, а необходимо использовать все полезное и из других систем, раз это ведет к победе». И Спиридонов смело вводит в практику наиболее действенные приемы, заимствованные из различных видов самозащиты и спортивных единоборств.

Кроме приемов английского бокса и французской борьбы, в систему включаются разнообразные удары ногами, хорошо разработанные в савате. Неплохо владея немецким языком (его любимый отдых - перевод «для души» «Капитала» К. Маркса), Виктор Афанасьевич изучает иностранные руководства по самозащите. Переводит книгу Вестергарда «Вольно-американская борьба», и этот вид международного спортивного единоборства тоже служит обогащению техники создаваемой системы. Не забывает и запрещенные в спортивных видах борьбы действия, которые могут пригодиться в боевой схватке. Кропотливо отыскивает и берет на вооружение самобытные приемы, рожденные бытовой и боевой практикой. Те, которые использовались бывалыми милиционерами, и даже те, что создал многочисленный в те годы преступный мир.

При этом весьма существенным было то, что Виктор Афанасьевич никогда не ограничивался теоретически-преподавательской сферой, но всегда старался удостовериться в том, насколько эффективно работают его приемы в боевой обстановке. Для этого постоянно поддерживал «обратную связь» с бывшими своими учениками и учениками своих учеников. Просил сообщать ему о каждом случае удачного или. наоборот, неудачного использования приемов. Практикой выверял их действенность, а уже на этой основе продолжал их селекцию. Такой подход использовать он начал уже давно. Вот почему еще в бытность свою во Всевобуче по истечении всего лишь второго года работы у Виктора Афанасьевича уже были основания говорить о преподаваемых им приемах, как о «проверенных на опыте, в жизни, обучавшимися ранее лицами».

Д.А. Давыдов демонстрирует на своём учителе В. А. Спиридонове боевой приём "узел" 1933 г.

В моей библиотеке хранится интересный экземпляр одной из книг Спиридонова, на полях которой остались карандашные пометки инструктора - одного из его учеников - в основном методического характера. И только в той главе, где автор анализировал психологическо-тактические особенности оборонительного и наступательного использования приемов в боевой схватке (как называл Спиридонов, активного и пассивного подходов), пометки на полях выглядели иначе. Свои положения Виктор Афанасьевич иллюстрировал примерами: милиционер обезоруживает хулигана, размахивающего финкой в фойе кинотеатра; инкассатор ловко сделал «рычаг локтя» атаковавшему бандиту; работник железнодорожной охраны обезвреживает разбушевавшегося на вокзале здоровенного пьяного дебошира. В книге не указаны ни имена «действующих лиц», ни города, где это происходило. Но бывший хозяин книги в каждом случае отметил на полях: «Москва», «Харьков», «Ленинград». Это были отнюдь не придуманные автором лишь для пояснения своих положений иллюстрации, а реально происходившие события. Те самые случаи использования приемов на практике, о которых сообщали Виктору Афанасьевичу многие его ученики.

Каждый, кому приходилось это делать, хорошо знает, что «подловить» противника, подготовить момент для безотказного проведения приема значительно сложнее, чем даже выполнить сам прием, который «срабатывает» автоматически. Вот почему Виктор Афанасьевич уделял так много внимания чисто тактическим разработкам, изуче-

нию психологических особенностей схватки - «психической работе». Большим успехом Спиридонова было создание серьезной методики преподавания самозащиты.

Известный уже в первые годы советской власти лыжник и преподаватель, заслуженный мастер спорта и заслуженный тренер СССР В. Серебряков рассказывал, что еще во время совместной работы на курсах Всевобуча Спиридонов внимательно присматривался к тому, как, осваивая азы техники, новички имитировали движения лыжного хода в спортивном зале. Обдумывавший построение своей методики, Виктор Афанасьевич сказал тогда: «Это мне может пригодиться».

Впоследствии он разработал методику «фазисной», то есть поэтапной, тренировки. На первом этапе ее обучающийся, познакомившись с движениями приема, как бы имитировал прием на несопротивляющемся партнере. По мере освоения приема переходили к следующим «фазисам» тренировки,

при которых сопротивление постепенно не только увеличивалось, но партнер уже мог ответить контрприемом. Заключительным этапом являлась вольная схватка.

Решить задачу преподавания самозащиты во всесоюзном масштабе можно было, только вырастив сотни хорошо подготовленных инструкторов. И вот, Спиридонов работает еще и над проблемой подготовки инструкторских кадров. Уже через несколько лет рядом с ним встала целая шеренга лучших его учеников, способных воспитывать не только рядовых самбистов, но и умелых преподавателей. Особенно выделялись двое из них: Д.А. Давыдов и М.И. Соломатин, которых Виктор Афанасьевич с благодарностью и уважением называл даже своими «постоянными помощниками в трудном и новом деле создания стройной системы «Самозащиты»»

Одна за другой выходят в свет три книги Спиридонова, излагавшие основные принципы его системы и ставшие ценным пособием для инструкторов, преподававших самозащиту. Первая из них «Руководство самозащиты без оружия по системе джиу-джитсу», выпущенная в 1927 году, создала мастеру дополнительную аудиторию заочных учеников, включив в их число не только чекистов, но и военнослужащих. Руководство было официально одобрено как Инспекцией физической подготовки Красной армии, так и Центральным советом «Динамо» и издано военной типографией под грифом «Не подлежит оглашению». Книга содержала приемы борьбы против безоружного и вооруженного противника, указания по тактике и методике тренировки.

Несомненно, принципиальное значение имела вышедшая через год вторая книга «Самозащита без оружия. Тренировка и состязания». В ней Спиридонов вводил широкую спортивную основу при тренировке навыков самозащиты. Конечно, там, где программу обучения приходилось втискивать всего в четырнадцатичасовое прокрустово ложе, возможности для использования общеразвивающих упражнений уже не оставалось. Но там, где такая возможность существовала, Виктор Афанасьевич широко применял не только специальные, но и общеразвивающие упражнения, различные легкоатлетические дисциплины, гимнастику, плавание. В этой книге были также приведены основы спортивной тренировки и впервые опубликованы правила состязаний, предусмотревшие многое из того, что впоследствии оказалось реализованным и в нынешней борьбе самбо: интернациональная «синтетическая» техника, наличие весовых категорий, мягкий ковер, удобный спортивный костюм, русская терминология.

В своей последней печатной работе 1933 года Спиридонов постарался обобщить то, что на этот период было им сделано.

Секции самозащиты (как их тогда называли - группы совершенствования) начинают функционировать не только в московской, но и во многих других динамовских организациях: в Ленинграде, Ростове-на-Дону, Свердловске, Саратове, на Украине, в Сибири и Закавказье. Неугомонный патриот своего дела, Виктор Афанасьевич объездил

весь Советский Союз, пропагандируя систему самозащиты. Всегда очень охотно выступал в чекистских и милицейских клубах, в учреждениях и воинских частях. Превосходный рассказчик, он умел быть интересным для любой аудитории. А.А. Харлампиев, пришедший на работу в «Динамо» вскоре после смерти Спиридонова, вспоминал: «Пропагандист был очень хороший. Куда бы мне ни приходилось выезжать, я везде встречал огонек интереса к самбо, зажженный в свое время Спиридоновым».

Скудность сведений о герое этой главы заставляла меня обращаться даже к людям, мало его знавшим. Но зато это давало подчас интересную возможность взглянуть на обстоятельства с новой и неожиданной точки зрения. Давным-давно заработавший пенсию динамовский бухгалтер общался с Виктором Афанасьевичем только в будничной и скучноватой сфере оформления и выплаты заработной платы. Но как раз от этого старика-бухгалтера я узнал об очень показательной черте спиридоновского характера.

С первых же лет существования «Динамо» его руководство исходило из жестких принципов самоокупаемости, не допуская того, чтобы спортобщество стало иждивенцем государства, испытывавшего в то время экономические трудности. Естественно, что финансовые возможности «Динамо» были ограниченными, денег время от времени не хватало. И вот, главный руководитель секции самозащиты был, оказывается, одним из тех фанатически увлеченных своим трудом тренеров-энтузиастов, которые нередко соглашались поработать месяц-другой без зарплаты.

Вообще, чем больше я узнавал о Спиридонове в процессе своих поисков, тем очевиднее убеждался, что человек это был редких и удивительных качеств. Подсчитав, что мне довелось беседовать о нем с доброй полусотней самых различнейших людей, я с удовольствием констатировал, что ни один из них не отозвался о Викторе Афанасьевиче неодобрительно. И это вовсе не было понятным желанием не говорить плохо о мертвом. Этаким венком жестяных цветов на могилу покойному. Вовсе нет! Вспоминали с большим уважением, искренней благодарностью. Во время мировой войны, бедствуя сам, он взял к себе из инвалидного дома бывшего денщика, тоже тяжело раненного. Растроганный солдат, ничем больше не имея возможности выразить свою преданность и благодарность, в день по много раз ваксил спиридоновские сапоги, доводил их до невероятного блеска и все рассказывал соседям: «Мой «ваше благородие» самый хороший! У него сапог должен блестеть во как!»

Бывшая соседка, совсем уже пожилая и больная женщина, даже прослезилась, вспомнив такой давний случай. В голодном девятнадцатом году Спиридонов, отправляясь на службу, увидел во дворе ее старуху мать. Та сидела в уголке и горько рыдала. А когда Виктор Афанасьевич спросил, что случилось, то услышал: «Ничего не случилось... Просто я очень хочу есть». Он молча отправился снова домой, а возвратившись, положил на колени старухи свою пайковую осьмушку хлеба... Выяснилось, что одного он в самые тяжелые для того, годы определил на хорошую работу. Другому - помогал готовиться к вузовским вступительным экзаменам по немецкому. Третьего (росшего без отца подростка) - воспитывал и помогал ему материально... Можно было бы долго перечислять такие вот факты, показывающие, что в Спиридонове органически воплотились благородные черты лучшей части старого русского офицерства. Это был какой-то, может быть, немного старомодный, но поистине рыцарь без страха и упрека...

В своей работе Виктор Афанасьевич ставил перед собой только чисто практические цели: создание эффективной системы самозащиты. Случилось, однако, так, что именно эта система стала одним из первых этапов существования в нашей стране нового прикладного вида борьбы в одежде. Дело в том,

что полученные на занятиях боевые навыки лучше всего закреплялись и совершенствовались в вольной схватке. «Состязание является как бы высшей степенью тренировки и последним этапом совершенствования бойца при изучении «самозащиты»» - таково было мнение Виктора Афанасьевича. И его ученики выходили на ковер в курточках, борцовских ботинках (а чаще просто в гимнастерках и носках) и, исключив из своего арсенала удары и опасные приемы, проводили учебные схватки. Ненароком родившийся вид спорта оказался очень интересным и увлекательным. Постепенно стали организовываться соревнования и даже первенства по специально разработанным Спиридоновским правилам. Борцы разделялись сначала на семь, а затем на восемь «весовых групп», а проведение болевых приемов допускалось не только, как теперь, при борьбе лежа, но также и в стойке. Кроме того, использовались различные удушающие захваты. Все это, конечно, делало схватки сравнительно опасными и определяло высокие требования к хладнокровию, самообладанию спортсменов. «Состязающимся категорически воспрещается горячиться во время схватки, в каком бы темпе она не происходила», - устанавливали правила и грозили нарушителям немедленной дисквалификацией. Стоит отметить, что это с наивной прямолинейностью сформулированное предостережение «горячащимся» отразилось впоследствии и в самых первых общесоюзных правилах ощепковской борьбы вольного стиля.

Свою чисто прикладную борьбу в одежде Спиридонов культивировал как ведомственный, закрытый для посторонних вид спорта. В феврале 1929 года впервые был проведен чемпионат московского «Динамо» по этому виду борьбы. В афишах, правда, для пущей общедоступности указывалось: «по джиу-джитсу». Из-за ограниченного числа участников первенство разыгрывалось только в четырех весовых категориях. И хотя считалось, что состязания закрыты для публики в течение всех трех дней, пока проходили упорные схватки на ковре, спортзал Высшей пограничной школы и старый ди-

М. П. С. О. ДИНАМО

ВОСКРЕСЕНЬЕ 3 ФЕВРАЛЯ 1929 г.

В ПОМЕЩЕНИИ СПОРТЗАЛА

(Цветной бульвар, № 5)

СОСТОИТСЯ 1-е в СССР СОРЕВНОВАНИЕ (закрытое)

по ДЖИУ-ДЖИТЦУ

(САМОЗАЩИТА и НАПАДЕНИЕ б/о) НА ПЕРВЕНСТВО МПСО „ДИНАМО"

Главный судья: В. А. СПИРИДОНОВ

НАЧАЛО В 19 ч. 30 м.

Вход по пригласительным билетам распределяемым по б. е. к.

ИГРАЕТ ОРКЕСТР

ПОСЛЕДУЮЩИЕ ДНИ СОРЕВНОВАНИЯ: 5-го февраля—ВПШ, 7-го февраля—клуб им. Дзержинского (Безбожный п., 25)

намовский зал на Цветном бульваре, где проводились соревнования, оказывались переполненными. Мастера самозащиты не могли пожаловаться на недостаток внимания со стороны болельщиков. Звания чемпионов завоевали А. Пронин, В. Харитонов, Д. Давыдов и П. Чертенко. Интересно, что еще за полгода до этого первенства ученики Спиридонова, к тому времени уже неплохие борцы, успели получить боевое крещение в первой и единственной в истории советского спорта международной встрече по джиу-джитсу.

В 1926 году рабочие-спортсмены из немецкого города Нойе Кёльн, практиковавшие джиу-джитсу, обратились с письмом к советским атлетам. Как писала тогда газета «Красный спорт», немецкие спортсмены предлагали познакомить советских коллег с этой японской системой, которая еще не успела пустить достаточно глубокие корни даже в ведущих западных странах. «Джиу-джитсу по названию, должно быть, известно в России, но как вид спорта рабочие его там, конечно, не знают», - говорилось в письме. Однако прибыть в Советский Союз немецким джиуджитсерам удалось только два года спустя.

В погожие осенние дни 1928 года Москва жила спортивными соревнованиями еще невиданного в стране размаха - Всесоюзной спартакиадой. На оживленных, многолюдных улицах яркими пятнами горели красочные национальные костюмы посланцев союзных республик. То и дело слышалась иностранная речь: в красную столицу прибыли рабочие-спортсмены из многих стран. Среди них были и германские джиуджитсеры. Немцы выступали в московских парках с показательными схватками, демонстрируя умелые броски и захваты. Однако впереди гостей ожидал большой сюрприз.

После одного из выступлений к руководителю немецких спортсменов подошел высокого роста немолодой уже человек в военном костюме, но без знаков различия. Не испытывая никакой нужды в переводчике, он сказал на хорошем немецком языке: «Моя фамилия Спиридонов. Я руковожу подготовкой джиуджитсеров в Пролетарском военно-спортивном обществе «Динамо». Правда, джиу-джитсу у нас отнюдь не каноническое, а существенно переработанное. Практически, это наша новая система. Хочу предложить вам, коллега, провести товарищеский матч».

Д.А. Давыдов (в белой куртке) ведет тренировочную схватку с В.А. Харитоновым. 1928 г.

Немец вежливо заулыбался в ответ, сказал, что принимает вызов, но серьезно обеспокоен заведомым неравенством сил. Ведь немецкие рабочие, вынужденные защищаться от нападений гитлеровских штурмовиков, уже давно овладели джиу-джитсу, а москвичи - явно еще новички...

И уже на следующий день маленький кургузый автобус привез немцев на водную станцию «Динамо», которая располагалась тогда напротив центрального парка, на нынешней Фрунзенской набережной. Москвичи радушно встретили гостей. Языковые трудности, конечно, давали о себе знать, но приветствие немецких коммунистов - крепко сжатый и поднятый на уровень головы кулак со словами «Рот-фронт» - говорило само за себя. Спиридонов тщательно согласовал с немцами условия

встречи. Участник этого исторического матча почетный динамовец В.С. Харитонов вспоминал, с каким волнением готовились они к состязанию. Борьба велась до первого удачного приема. Партнеры подбирались примерно равного веса. Состязались всего три пары - от легкого к более тяжелым весам.

Первым из динамовцев вышел на ковер низкорослый энергичный Пронин и, несмотря на понятное волнение, сумел провести победный болевой прием. Вторым вступил в состязание Харитонов, чью неторопливую манеру борьбы товарищи в шутку называли «меланхолией». Этот «меланхоличный стиль» определил выигрыш его обладателя и победу советской команды. Все, что теперь могли сделать гости, - спастись от поражения «всухую», и они реализовали эту возможность: третий член динамовской команды - Василенко - ушел с ковра побежденным. Тем не менее, германским спортсменам пришлось уступить московским парням.

Изумление гостей нетрудно понять: как могли столь успешно овладеть еще не очень привычным даже в западных странах экзотическим спортом спортсмены в молодой и все еще испытывавшей серьезные затруднения стране?

А динамовцы были отлично тренированы и, главное, у них был целый ряд своих собственных приемов, совершенно незнакомых приезжим атлетам. Тот стиль борьбы, с которым столкнулись германские спортсмены, уже не был «японским джиу-джитсу», каким его знали в Европе, хотя далеко еще не стал и борьбой самбо, какой сегодня мы видим ее. Восемь лет упорного труда Спиридонова отнюдь не пропали даром.

На свет появилась оригинальная система самозащиты, у которой общего с джиу-джитсу оставалось только название. От него, естественно, тоже пришлось, в конце концов, отказаться. Свою систему Виктор Афанасьевич поначалу именовал просто «самозащита». Впоследствии, отдавая дань модным тогда сокращениям, назвал «система «Сам»». Но это название было не самым удачным. Рождаются новые его варианты: «самоз», и, наконец, пришед-

В. А. Спиридонов со своими учениками перед встречей с нетецкими джиу-джицерами 1928 г

шая на смену всем остальным звонкая аббревиатура «самбо» - по первым элементам слова «самозащита без оружия».

Разумеется, самбо двадцатых - начала тридцатых годов выглядело куда как скромнее своей нынешней модификации. Для того, чтобы этот родившийся в нашей стране вид борьбы приобрел всю свою современную мощь и красоту, потребовалась еще долгая творческая работа множества спортсменов, тренеров, специалистов...

Но хотя история борьбы самбо начинается именно со Спиридонова, сам он едва ли когда-нибудь задумывался об этом, ведь делом своей жизни он считал именно созданную им систему самозащиты без оружия, а не новый вид спорта.

Анализ системы, созданной Спиридоновым, столь же интересное, сколько и сложное, объемистое исследование. И в рамках настоящей главы это можно сделать только лишь в самых общих, основных чертах, так как для исчерпывающего анализа необходима целая книга.

Но прежде, чем я перейду к этому анализу, я хочу сказать о мифологизации системы Виктора Афанасьевича, возникшей в последние два десятилетия. Где-то еще в 80-х годах на нашем юге появилась ни на чем не основанная версия о якобы имевшейся связи системы Спиридонова с японским айкидо, которое и у себя на родине в те годы было еще малоизвестно. Чтобы услышать от меня подтверждение этой заманчиво-романтической версии, ко мне даже не поленился приехать один тренер из Анапы, а о письменных запросах я уже вообще не говорю.

Суть этой чисто мифической версии изложил в 1993 году А.Н. Медведев, использовав для этого цитату из работы еще одного автора: «Как это ни покажется странным, но наряду с жесткими системами в рамках боевого раздела самбо существовала и другая - самоз Владимира Спиридонова. В отличие от других основоположников самбо - Ощепкова, Харлампиева и Ознобишина, этот человек не обладал богатырским здоровьем. Напротив, получив тяжелое ранение, Спиридонов был вынужден делать ставку на технику и ловкость, а не на грубую физическую силу. Система Спиридонова во многом напоминала айкидо: тот же основной принцип - не мешать противнику атаковать, а в определенный момент нейтрализовать, используя его же собственную силу. Ударная техника при этом не исключалась, но тактика поединка строилась исключительно от обороны. Главное же в этой системе - научиться работать расслабленно. Очень непросто заставить себя не напрягаться, когда перед тобой противник, вооруженный ножом или саперной лопаткой, но если это удается, то, используя технику Спиридонова, можно за считанные секунды обезвредить вашего оппонента. В большинстве вариантов работы против оружия, оно, оставаясь в руках нападающего, причиняет вред ему самому» («Как дрались в НКВД», с. 72).

Это очень характерный образец сотворения спортивной легенды. Записать тощего «мухача» Ознобишина в богатыри, приписать блестящему технику Ощепкову «ставку на грубую физическую силу», а двухметрового тяжеловеса «Владимира» Спиридонова представить болезненным «слабаком» - одного этого было бы больше чем достаточно. Однако все эти небылицы явно перевешивает фантастическая характеристика спиридоновской системы а 1а айкидо!

К 1920 году, когда он начал преподавать на курсах Всевобуча, Спиридонов уже достаточно владел техникой японских приемов. Судя по самому характеру этих приемов и частым ссылкам на книги по джиу-джитсу, изучал он их самостоятельно, черпая материал из соответствующей литературы, как нашей переводной, так и иностранной. Вне поля его зрения не оставались и цирковые выступления джиуджитсеров, за которыми, вероятно, он следил уже давно.

Работу Спиридонова над своей системой можно разделить на три периода: первый - с 1920 по 1923 год, второй - с 1923 по 1933 и третий - с 1933 до рубежа тридцатых-сороковых годов. О первом, начальном, периоде можно судить лишь по хранящейся в моем архиве программе курса «Способы защиты и нападения без оружия», собственноручно написанной Виктором Афанасьевичем. Но эти листки грубой бумаги, которую теперь называют «оберточной», с фиолетовыми строчками «химического» карандаша, хранят поистине бесценную информацию. Написаны они именно в 1923 году и как бы подводят итог всего первого этапа работы.

Так как в течение всего этого периода он вел обучение на армейских курсах, его разработки, казалось, было бы логично расценить только в качестве военного рукопашного боя, даже при существовавшей тогда неопределенности в разграничении отдельных его видов. Однако приходится учитывать, что те же самые приемы в 1920 году Спиридонов начал преподавать и в школе милиции. Вероятно, в то время он видел свои способы боя универсальными, пригодными как для армии, так и для правоохранительных органов.

Занятия он вел по японской системе, но даже тогда, в самом начале своей работы, преподавал уже собственный и существенно усовершенствованный «спиридоновский» вариант джиу-джитсу. Его программа, в целом еще далеко не совершенная, уже содержала зачатки почти всего того, что будет сделано в будущем.

Курсанты знакомились с двумя десятками различных приемов: «джиуджитсными ударами», «обратными рычагами», «дожатиями», бросками, удушениями и нажатием на чувствительные точки. При этом выстраивались цепочки: нападение - защита - контрприем и защита от этого контрприема. Изучались обезоруживания, правда, в незначительном количестве. Рассматривались действия в стойке и, в меньшей степени, в партере. Специальными темами были выделены «Выход из затруднительного положения» и «О системе правильной работы при изучении приемов», где будущим инструкторам преподносились азы методики преподавания.

Виктор Афанасьевич старался отбирать наиболее надежные, на его взгляд,

приемы. Впоследствии он написал об этом так: «Впадая в начале своей работы в общую ошибку при определении ценности тех или иных приемов в смысле применения их к жизни, мне, тем не менее, в 1921 году, благодаря практическому изучению, удалось осознать ошибку существовавшей в то время системы. В то же время детальное изучение всех приемов, имевших применение в нашей действительности, указало новый и, как мне кажется, правильный путь, по которому я и иду, постепенно совершенствуя свою систему». Думаю, однако, что здесь Виктор Афанасьевич был не совсем точен в своих воспоминаниях: при несомненных первых успехах и после двадцать первого года предстояло немало работы по качественной оценке техники. Еще отсутствовал в его арсенале такой действенный прием, как рычаг локтя вниз с захватом руки под плечо. Едва ли удачными были рекомендованные им, по японским рецептам, надавливания на чувствительные точки, которых он приводил целых шесть, и среди них такие не слишком практичные, как «над лопаткой», «под ключицей», «на руке», от которых в будущем придется избавиться. В целом, то, что было наработано на первом этапе, пока еще трудно назвать системой, но контуры ее уже просматривались.

Хорошо зная и бокс, и борьбу, Спиридонов понимал ту пользу, которую в боевой схватке могли принести их приемы, наряду с приемами джиу-джитсу. Но бокс и борьба проходились курсантами в качестве отдельных, совершенно самостоятельных учебных дисциплин, и Виктор Афанасьевич просто не имел права выйти за рамки утвержденной учебной программы и вторгнуться в пределы чужих предметов. Однако в 1923 году такая возможность, казалось, появилась. В эти годы была начата разработка уставов и других нормативных материалов для Красной армии, которая все еще пользовалась уставами царской армии в той части, в какой они не противоречили «революционной законности». И вот на курсы поступила Программа физической подготовки

Красной армии, совсем неплохо разработанная и принятая Президиумом Высшего совета физической культуры, но, к сожалению, полностью так и не осуществленная.

Она дала Виктору Афанасьевичу хорошую возможность высказать, вероятно, уже давно созревшую у него мысль. В «Пояснительной записке» к своей программе «Способы защиты и нападения» он предложил преподавать джиу-джитсу, бокс и борьбу не в виде обособленных дисциплин, а создать новый предмет «Комбинированный способ защиты и нападения», объединив в нем необходимые приемы всех этих трех единоборств. Предложение принято не было, что на несколько лет оттянуло начало работы по созданию действенного типа военного рукопашного боя. Однако мысль эта определила направление всей дальнейшей работы моего героя.

Начало второго и решающего периода работы определилось в связи с приходом Спиридонова в «Динамо», где он получил значительно большие возможности и неизмеримо возросший контингент учеников. Теперь его разработки приобретают характер чисто полицейской системы, хотя, за неимением никакой иной, ее все еще продолжают рассматривать и как военную. Так, первая из книг, написанных Виктором Афанасьевичем, была одобрена не только Центральным советом общества «Динамо», обслуживавшего ОГПУ, но также и Инспекцией физподготовки Красной армии.

Об особенностях второго этапа я сужу по книгам Спиридонова, вышедшим в эти годы: «Руководство самозащиты без оружия по системе джиу-джитсу» (М., 1927 г.); «Самозащита без оружия. Тренировка и состязания» (М., 1928 г.); «Самозащита без оружия. Основы самозащиты. Тренировка. Методика изучения» (М., 1933 г.), а также по беседам с его учениками и некоторому собственному опыту.

При создании системы широко использовалась специальная иностранная, главным образом, немецкая литература, но при всем том ведущую роль, несомненно, сыграли собственные разработки автора при активном содействии его учеников, в первую очередь Д.А. Давыдова и М.И. Соломатина. Если первые годы систему все еще именовали «Джиу-джитсу», то затем, учитывая ее существенные преобразования, при которых это название уже не отвечало ее сущности, Спиридонов, сократив слово «самозащита», стал называть свою систему «Сам» или «Самоз».

Систему составляли такие разделы: 1) «Теория»; 2) «Физическая подготовка»; 3) «Техника»; 4) «Тактика»; 5) «Методика преподавания»; 6) «Повреждения, причиняемые приемами, и первая медпомощь»; 7) «Организация соревнований».

Теоретическая часть говорила о сущности системы, о единоборствах, давших ей свои приемы, об анатомической основе приемов, о терминологии и классификации. Исключительно русская, заменившая непонятную японскую терминология еще недостаточно устоялась, была не очень удачной. Хотя ряд предложенных терминов живет и сегодня: узел, рычаг, удержание, дожим кисти... С классификацией получилось более удачно. В известном Спиридонову «книжном» джиу-джитсу таковая вообще отсутствовала. Виктор Афанасьевич классифицировал болевые в зависимости от характера воздействия на сустав. Дожим - чрезмерное сгибание конечности в направлении естественного сгиба. Рычаг - перегибание сустава против естественного сгиба. В зависимости от направления давления на сустав они именовались «рычаг вверх» или «рычаг вниз». Выкручивание называлось «вывертом». Приемы, в которых сочетались указанные выше болевые воздействия, считались «комбинированными» (рычаг локтя вниз с дожимом кисти, «узел», то есть поворот предплечья во внешнюю сторону, с дожимом кисти и др.).

Другими группами приемов в классификации являлись: «удары», подразделявшиеся на «боксерские» (английского бокса) и «джиуджитсные» - все остальные; «сжатия и нажатия», то есть удушения и нажатия на чувствительные точки; «приемы с бросанием на землю» - броски и «переводы» - способы перехода от борьбы стоя в положение лежа и наоборот.

Большое внимание уделялось общефизической, а также специальной подготовке, которая имела «своей целью усиленное развитие определенных физических и психических качеств бойца, имеющих большое значение при разучивании приемов, тренировке, состязаниях и применении самозащиты в жизни». Практиковалась страховка при исполнении приемов, но самостраховка при бросках еще не получила совершенной формы и существенно отставала от ощепковской.

При борьбе стоя основное внимание уделялось болевым приемам. Эту тактическую концепцию подверг суровой критике В.С. Ощепков, утверждавший, что болевые приемы «в стойке в условиях серьезной рукопашной схватки не имеют практического значения и могут быть действительны лишь тогда, когда противник... не ожидает нападения или вообще не имеет в виду сам нападать. Значение их тем более уменьшается, если на них делается ставка, как на самостоятельный прием. «Рычаг» может быть действителен только в сочетании с подножкой или ударом, но таких сочетаний и, главным образом жизненных, в системе «САМ» нет».

Объективно Василий Сергеевич был, конечно, прав: болевой в стойке зачастую исполнить нелегко, особенно если противник сильнее, обладает хорошей реакцией или знаком с подобной формой нападения. Но при этом критик совершенно не учитывает, что его оппонент был связан требованиями именно полицейской системы. Он не хуже Ощепкова понимал значение удара в боевой схватке и даже пророчески предвидел, что в будущем роль удара еще более возрастет, но при всем том

вынужден был внушать своим ученикам: «...Рекомендуя применение ударов в целом ряде связанных с опасностью для жизни наших работников случаев, мы считаем необходимым самым серьезным образом напомнить, что применение ударов в случаях маловажных и не грозящих непосредственной опасностью для жизни следует признать более чем нежелательным. При этом следует заметить, что нежелательность применения ударов во многих жизненных случаях проистекает... из чисто внешнего эффекта их применения: удар влечет за собой почти обязательное повержение противника на землю, крик от боли, вид драки, который легко принимает схватка, ...особенно если произошел обмен ударами, - все это делает удары почти совсем неприменимыми в условиях работы, например, наружной милиции, ТО ОГПУ (Транспортный отдел ОПТУ - М. Л.) и в других аналогичных условиях». Вот это-то и заставляет Спиридонова, ограничиваясь, главным образом, болевыми, идти по пути максимального наращивания их эффективности. Б первую очередь за счет умелого «подхода», отвлекающего внимание противника. Вместе с тем, следовало при исполнении приема использовать резкий, «острый рывок» или даже несколько быстро следующих один за другим.

Кроме того, для достижения гарантированного результата им были разработаны способы мгновенных переходов с неудавшегося на другой прием, противоположного направления, в сторону защитного усилия противника с использованием его же силы.

При ведении схватки на земле к болевым приемам, используемым в стойке, добавлялись болевые на ноги, воздействия на шейный отдел позвоночника и заимствованные из вольно-американской борьбы «ножницы» - обхват ногами шеи или талии с целью удушения. Роль, отводившаяся воздействию на чувствительные точки, была существенно и разумно ограничена.

Весьма удачным нововведением Виктора Афанасьевича явилось проведение приемов «по принципу». Спиридонов же предложил исходить лишь из того, в каком суставе и за счет какого воздействия причиняется боль или повреждение противнику, и, с учетом этого, смело импровизировать любые варианты приемов. Обучающимся была предоставлена широчайшая творческая инициатива экспериментировать, исполняя прием при самых различных захватах и положениях. Тем самым были заложены прочные основы саморазвивающейся системы. Конечно же, при этих экспериментах не могло не быть и многих неудачных попыток, но в целом, за счет творческой активности наиболее способных членов большого контингента спиридоновских учеников, технический арсенал «САМ» неуклонно обогащался новыми вариантами приемов. Варианты эти, как правило, рож-

дались непосредственно в борьбе, а сам психологический процесс их создания мощно стимулировал боевое мышление в схватке и даже выводил его на уровень подсознания.

Особо были выделены в системе вопросы тактики: «Главным результатом применения «САМ» является подчинение противника своей воле, причем при наличии наименьшего количества энергии. Этот результат зависит от психических качеств, управляющих приемами и выбирающих наиболее удачный момент для применения наиболее подходящего для данного случая приема... Практически это выражается в стремлении напасть на противника врасплох, то есть воспользоваться его неподготовленностью, промахом или более слабыми и уязвимыми местами, причем эти уязвимые места открываются либо самим противником, либо обнаруживаются вследствие некоторых комбинаций другой стороны. Таким образом, во избежание завязки единоборства на силу, которая не всегда дает положительные результаты, тактический подход должен предшествовать применению приемов». В своих книгах Спиридонов рассматривает примеры удачных тактических ходов из практики своих бывших учеников, с которыми он поддерживал «обратную связь». Элементарные тактические навыки прививались самой методикой еще при разучивании приемов. Ведь уже переходы с приема на прием представляли собой не только чисто техническое действие, но являлись также и определенной тактической уловкой, позволявшей обмануть противника. То же можно сказать и о «комбинациях», то есть связках приемов, и о разучивавшихся сериях: прием - защита с контрприемом - защита против этого контрприема.

Совершенно самостоятельно довелось Виктору Афанасьевичу разрабатывать и методику обучения. У Спиридонова ученики, прежде всего, в достаточной степени овладевали техникой исполнения приемов. После этого начиналась «фазисная тренировка». «Фазис А» предусматривал нападение только одного из обучающихся, при этом партнер лишь пассивно защищался. В «Фазисе Б» партнер уже мог отвечать контрприемом. Наконец, при «Фазисе В» происходила уже двухсторонняя тренировка, хотя инициатива все еще принадлежала нападающему. Завершающим этапом являлась «свободная тренировка», то есть вольная схватка.

О третьем, последнем периоде работы Виктора Афанасьевича, к сожалению, очень мало известно. Думаю, однако, что был это наиболее плодотворный этап. Почти все эти годы он активно продолжал свою деятельность. Новые разработки дали ему возможность написать еще одну - четвертую - книгу, которую ему, к сожалению, так и не позволили опубликовать. Возможно, какие-то новые его идеи отразились в книге его ученика В.П. Волкова, который прямо указывал на Спиридонова как на автора самбо. Этой звонкой аббревиатурой Виктор Афанасьевич заменил прежние, не очень удачные названия своей системы именно в последний, завершающий период своей деятельности...

Читатели нередко просят меня подробно рассказать им обо всех спири-

доновских секретах. Но я каждый раз отвечаю, что, хотя немало из отобранных им приемов живут и сегодня, в целом система Виктора Афанасьевича, конечно, устарела. Спиридонов начинал ее создание практически с нулевой отметки и, как любой первопроходец, не мог избежать ошибок. Несмотря на это, его работа явилась и необходимым, и очень важным шагом на пути создания отечественных систем рукопашного боя. И именно ему впервые в российской истории удалось создать настоящую систему рукопашного боя.

Приложение № 2.

СЛУЧАИ ЖИЗНЕННОГО ПРИМЕНЕНИЯ ПРИЕМОВ.

(Из общей серии приемов, жизненное применение которых известно секции).

Н (в белом), увидев А, подбегает к нему и без разговоров ударяет его но уху, А успевает уклониться от удара наклоном туловища вниз. (Рис. 73).

А схватывает за полы накидки и, дергая на себя, одновременно ударяет Н головой в грудь. Результат — на рисунке. (Рис. 74).

Двое неизвестных напали врасплох на А. Один схватил сзади, другой спереди и начинают бить. (Рис. 75).

А, видя свое безвыходное положение, в последний момент вспомнил приемы Дж.-Дж. и применил: схватившему спереди—удар под ложечку, а схватившему сзади — „Загиб руки за спину 2-й способ". (Рис. 76).

Первый, повалившись на дорогу, не мог от боли подняться; второго же с завернутой рукой А наваливает на первого и зовет на помощь для задержания. Прибежавшими сослуживцами А оба нападавших были задержаны. (Рис. 77).

Каждый из нападавших в отдельности был сильнее физически А.

Помощь 3-го лица.

Двое вступили в ссору, перешедшую потом в драку. Один из нападавших ударил в грудь своего противника, от чего последний упал на землю. Толкнувший насел на него и схватил за грудь. (Рис. 78 и 79).

Около рынка.

Некто навязчиво предлагает купить вещь, от чего А категорически отказывается, говоря, что он будет вынужден познать милиционера, если он не оставит его в покое.

Продававший, рассердившись, толкает А в грудь, от чего А отваливается назад. (Рис, 80).

Стоявший сзади, очевидно соучастник продавца, дает кулаком в спину А, от чего последний подается вперед и быстро отбивает руку первого, делает ему женский прием с ударом, чем бросает противника затылком на землю. (Рис. 81).

А, не удержавшись (должен был бы удержаться) сам, тоже падает.

Не имея времени встать, вследствие приближения второго противника, ударяет последнего в нижнюю часть живота ногой. (Рис. 82).

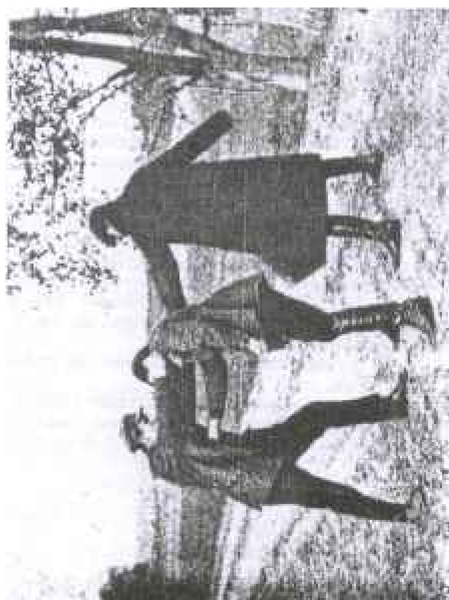
Рис. *73*.

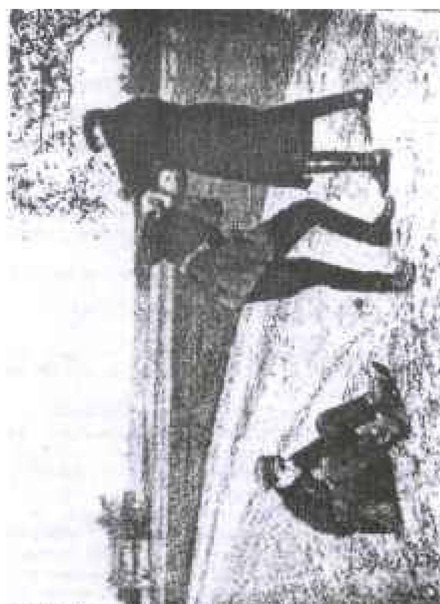
I

130

131

.6

й

132

133

Рис 77.

131

133

136

137

Глава 4
Драматический финал...

Среди многих других, есть у меня и одно, явно любительское фото, на котором Спиридонов чем-то напоминает мне Меншикова в Березовской ссылке со знаменитой суриковской картины. Снят он дома, сидящим у стола в самбистской куртке, которая, по-видимому, служила ему чем-то вроде домашнего халата. Вроде бы, заурядная бытовая сценка, незначительный эпизод, но на волевом лице пожилого человека - тревожная задумчивость, беспокойно сцеплены пальцы больших сильных рук... Виктору Афанасьевичу, действительно, было от чего тревожиться и чем огорчаться. На рубеже тридцатых и сороковых его непосредственным начальником стал принципиальный противник не только его системы, но и его самого. Понятно, что новый начальник постарался создать условия для ухода Спиридонова «по собственному желанию» с работы в «Динамо». Общества, одним из учредителей которого Виктор Афанасьевич являлся. Где честно и самоотверженно проработал двадцать лет, создав боевую систему самбо, верой и правдой служившую чекистам, пограничникам и милиционерам. Ветеран отрешался от дела всей своей жизни, и нелегко далось ему это оскорбительно-вынужденное расставание...

Уволившись из «Динамо», Спиридонов, несмотря на свой почти шестидесятилетний возраст, все еще продолжал преподавать самозащиту. У меня хранится его пропуск в воинскую часть НКВД № 351, датированный мартом 1941 года. Очевидцы свидетельствуют, что с первых же дней войны он начал обучать спецназовцев тех лет, которые с ответственными заданиями забрасывались в немецкие тылы. Существовала тогда такая уникальная воинская часть, которая за все годы войны ни разу не вступала в бой в своем полном составе, хотя при этом ее бойцы успешно сражались на всех тысячекилометровых фронтах от Баренцева до Черного моря. Точнее, за линией фронта. Это был знаменитый теперь, но тогда сверхсекретный ОМСБОН. Отдельная мотострелковая бригада особого назначения НКВД, которая оставалась засекреченной даже в послевоенные годы. Надежную основу бригады составляли спортсмены.

Кандидат педагогических наук, мастер спорта по самбо Б.П. Карякин зафиксировал сообщение бывшего омсбоновца, политрука отряда «Особые» А.И. Авдеева о том, что в тяжелые дни сентября сорок первого Спиридонов обучал их отряд рукопашному бою на

Почти Меншиков в Берёзове...

ДЕЙСТВИТЕЛЕН
по „14“ апреля 1941 г.
г. МОСКВА
Гл. почтамт
почт. ящ. 603
тел. К 6-59-48
Выдан „13“ марта 1941 г.
ПРОПУСК № 1202
Тов. Спиридонов
Виктор Афанасьевич
РАЗРЕШАЕТСЯ ВХОД
ВЫХОД В ЗДАНИЕ
ЧАСТИ

специальной учебной базе в подмосковных Мытищах. А В.П. Волков рассказал мне, что, несмотря на свой почтенный возраст, работал Виктор Афанасьевич даже в осажденной немцами Туле, непосредственно на переднем крае нашей обороны. Но уже года через два подкрался к заядлому курильщику рак легких. Из больницы его выписали как безнадежного, и умирал он дома. Умирал очень тяжело, но мужественно. В бесконечных ночных разговорах с сиделкой не раз обращался к своим любимым темам. Спрашивал, знает ли она, как медработник, наиболее уязвимые точки человеческого тела... Скончался он седьмого сентября 1944 года и был похоронен на Ваганьковском кладбище...

Один из учеников Спиридонова уверял меня, что учитель умер прямо на самбистском ковре, обучая приемам наших диверсантов в наиболее тяжелое военное время. Сам он этого не видел, так как находился на фронте, но уверенно называл даже город, где это якобы произошло. И хотя все было не так... Хотя в действительности все было иначе, разве само рождение такой вот легенды не доказывает, что старый самбист, вопреки самой смерти, остался в строю, как солдат, навечно занесенный «в списки своей роты»?..

И все же умирал Виктор Афанасьевич, наверное, с тяжелой мыслью, что имя его несправедливо будет вычеркнуто, исчезнет из летописи русского рукопашного боя. Увы, но именно это и произошло на самом деле. Подобно тому, как исчезла сама его могила, уничтоженная и перепроданная стараниями алчных и наглых ваганьковских могильщиков. И сейчас мне особенно радостно сознавать, что многолетние поиски позволили собрать необходимые материалы и дали возможность пусть с большим опозданием, но все-таки хоть както исправить эту давнюю и обидную несправедливость, вернув имя старого мастера в почетный строй создателей отечественных систем самозащиты!..

А мои спиридоновские поиски по длинной цепочке человеческих судеб вывели меня на старого динамовца, мастера спорта по стрельбе Федора Ивановича Жамкова. Того самого, который когда-то был последним и недоброжелательным начальником моего героя. Ни одного плохого слова о покойном самбисте или его системе он не сказал. Но когда я спросил о причинах увольнения ветерана, то услышал явно невразумительное и не слишком правдоподобное объяснение: «Спиридонов хотел сначала сделать книгу, а я требовал, чтобы сначала написал программу.

Он тогда заявил, что у него есть еще и другая специальность. Что он капитан дальнего плавания. И ушел...»

Да, ничего предосудительного о Викторе Афанасьевиче я не услышал. Но вместе с тем Жамков, вроде бы и не специально, не впрямую, а будто бы между прочим, к случаю, рассказал еще об одном большом специалисте самозащиты. Совсем не хуже, а может быть, и получше Спиридонова. Вот тогда-то я впервые услышал это имя - Василий Сергеевич Ощепков. У него Жамков учился еще во Владивостоке в 1927 году. И, несмотря на то, что самого Федора Ивановича не миновала волна репрессий, он не побоялся сохранить фотографии своего давнего учителя, тоже ошельмованного как «враг народа». Сберег даже круглую жестяную коробку с отснятым учебным фильмом. Вот ведь как поистине непонятно и неожиданно уживаются иногда и свет, и тень в характере одного и того же человека.

Но узнал я в тот вечер не только об этом. Оказалось, что не один Жамков обучался у Ощепкова. Совершенно неожиданно выяснилось вдруг и то, что так ревностно скрывала официозная пропаганда: полный инфизкультовский курс самозащиты и борьбы в одежде прошел у «врага народа» и «основоположник» самбо Анатолий Харлампиев! Правда, происходило это уже не в двадцатых, а в начале тридцатых годов. Едва ли нужно объяснять, что после той давней памятной встречи мои поиски получили еще одно, хотя и нелегкое, но очень перспективное направление - ощепковское. И оказалось, это на редкость интереснейшая, талантливая личность с необыкновенной, но уж очень трагической судьбой...